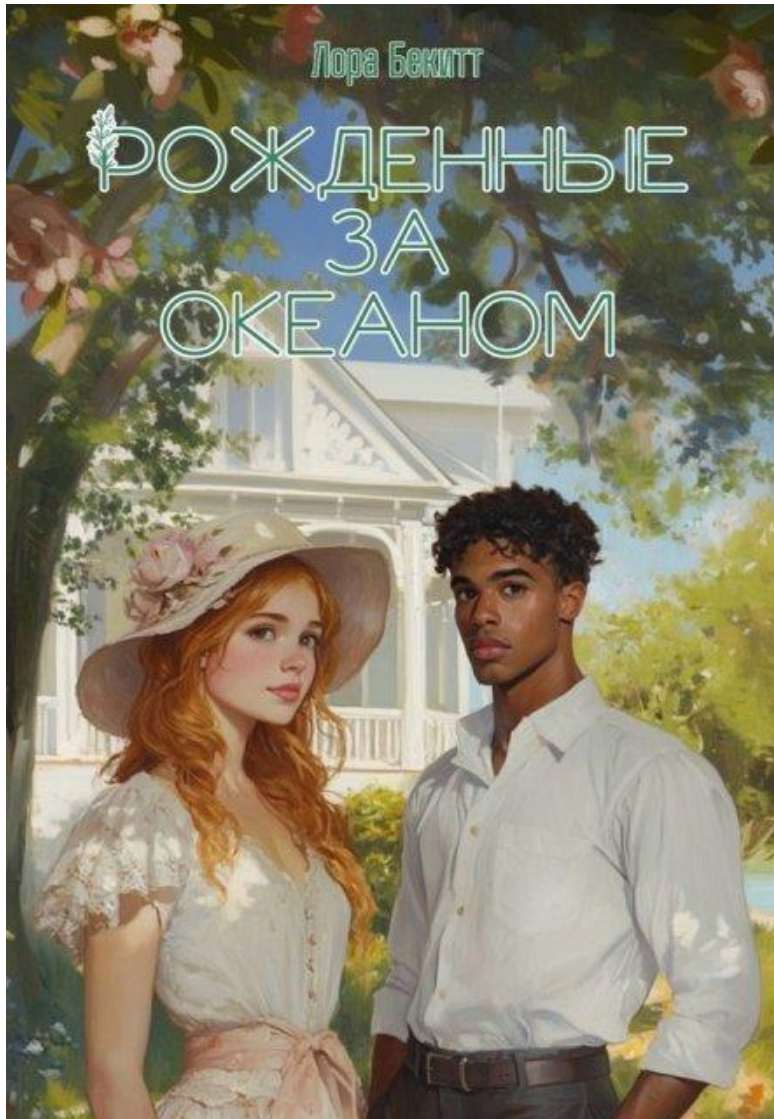

Лора Бекитт

РОЖДЕННЫЕ ЗА ОКЕАНОМ

Лора Бекитт

Рожденные за океаном

<https://litres.ru/74210839>

Аннотация

Это история запретной, скандальной любви, случившаяся в середине XIX века. Спасаясь от голода, ирландка Айрин О'Келли едет в Америку к родственникам, владельцам хлопковой плантации. Вопреки нравам местной аристократии, она влюбляется в раба своего дяди, мулата Алана. Айрин грозит несмываемый позор, а ее возлюбленному — смерть, но они отчаянно борются за свое счастье.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвертая	28
Глава пятая	41
Глава шестая	54
Глава седьмая	62
Глава восьмая	72
Глава девятая	83
Глава десятая	93
Глава одиннадцатая	103
Глава двенадцатая	112
Глава тринадцатая	119
Глава четырнадцатая	127
Глава пятнадцатая	136
Глава шестнадцатая	141
Глава семнадцатая	152
Глава восемнадцатая	160
Глава девятнадцатая	170
Конец ознакомительного фрагмента.	175

Глава первая

«Люди умирают от голода так же незаметно, как облетают осенние листья», — эта мысль преследовала Айрин О'Келли, пока она шла по вязкой дороге под зловещим навесом из туч. Ветер трепал златанный подол ее платья, грязь холодила босые ноги. Глаза Айрин были почти такого же цвета, как зеленый мрамор Коннемары[1], но соломенные волосы потускнели, а осунувшееся личико напоминало лисью мордочку.

Она вспоминала тот страшный день, когда картофельное поле вдруг превратилось в отвратительную зловонную массу. То же самое произошло с уже выкопанными клубнями: годовой запас картофеля исчез на глазах. Брайан О'Келли, отец Айрин, в ужасе бросился к соседям, у которых случилось то же самое, а после они узнали, что бедствие охватило всю Ирландию. Так к ним пришел голод[2], унесший жизни матери Айрин и ее младших братьев. Они остались вдвоем с отцом, обвинявшим себя в том, что он не сумел спасти семью, хотя ему неоткуда было взять денег на покупку хлеба или «индейского зерна», как ирландцы называли привезенную из Америки кукурузу.

Возможно, кто-то поразился бы, узнав, что Айрин О'Келли идет... в школу. Занятия на лужайке под открытым небом проводил местный католический священник отец Бакли с

ярко-рыжими, как морковь, волосами и прозрачными, словно вода, глазами. Как и другие ученики, Айрин продолжала посещать школу не из желания овладеть знаниями, а потому, что после занятий священник, случалось, давал им какую-нибудь еду. Иногда это был суп из крапивы с ничтожной добавкой жира, порой — лепешки из кукурузной муки и жмыха.

Добравшись до школы, она заняла место на поляне и приготовилась слушать отца Бакли. У нее не было ни бумаги, ни перьев, она надеялась только на свою память. Айрин замечала, что с каждым разом учеников в школе становится все меньше, несмотря на то, что сюда приходили подростки и дети из трех или четырех деревень. После уроков и раздачи еды отец Бакли поманил ее к себе, и когда она подошла, приветливо заговорил с ней.

— Как дела у отца, Айрин?

— Он почти не встает.

— Что ты намерена делать, когда он умрет?

Вопрос не вызвал удивления: Айрин давно не питала лишних надежд и привыкла называть вещи своими именами.

— Не знаю. Возможно, отправлюсь в город.

— Зачем? Там все равно нет работы, — заметил священник и спросил: — У вас с отцом не осталось родственников?

— Нет, никого.

Отец Бакли достал клочок какой-то газеты и протянул ей.

— Прочти.

Айрин пробежала статью глазами. В ней говорилось о хлопкоочистительном станке, отделявшем хлопковое волокно от семян, который применялся на американских плантациях. Она непонимающе взглянула на священника, и тот сказал:

— Это статья из газеты «Промышленный фермер». Обрати внимание на высказывания плантаторов о машине. Среди них есть некий Уильям О'Келли, владелец большой хлопковой плантации и имения Темра в графстве Южная Каролина. Он вам случайно не родственник?

— Не думаю. Отец никогда об этом не говорил. Да и откуда у нас родственники за океаном?

— И все-таки прочитай ему заметку.

Айрин догадалась, что имел в виду отец Бакли. За минувшее десятилетие тысячи ирландцев покинули страну и отправились в Америку. Однако Брайан О'Келли никогда не заикался об этом, и она понимала, почему. Чтобы купить билет на судно, нужны деньги, взять которые было негде.

— Хорошо, — сказала она, зажав бумажку в кулаке.

— Темра[3], — задумчиво произнес священник, — придумать такое название мог только ирландец, причем не просто образованный, но помнящий о своих корнях.

Возвращаясь обратно, Айрин поймала себя на мысли, что ей не хочется идти домой. Ей было бы легче сидеть на берегу, глядя, как волны лижут каменную отмель, чем видеть умирающего отца. И все же она ни на минуту не замедлила шаг.

Айрин шла по мягкой торфяной почве, не глядя под ноги. На острове не было ни ядовитых насекомых, ни змей, согласно легенде, изгнанных из Ирландии святым Патриком. В этих краях не водилось иных животных, кроме мелких грызунов, что лишало ирландцев возможности добывать пропитание на охоте. Бросив рассеянный взгляд на пустой огород, Айрин вошла в дом. Заслышав шаги, отец повернулся и посмотрел на нее. Его глаза казались бесцветными, а некогда ржавая щетина поседела: голод высосал из Брайана О'Келли и силы, и краски. Когда Айрин протянула ему кусок лепешки, он сказал:

— Мне не хочется. Съешь сама.

— Я не голодна, — солгала она и развернула помятый клочок бумаги, который неизвестно какими путями пересек океан. — Отец Бакли сказал, чтобы я прочитала тебе заметку, напечатанную в газете.

Брайан закрыл глаза. Айрин не знала, можно истолковать это как согласие, и все же начала читать. Когда она умолкла, отец не проронил ни слова.

— Священник спрашивал, не родственник ли нам этот Уильям О'Келли?

Брайан долго молчал. Он не шевелился, и Айрин подумала, что отец спит. Когда она тихонько поднялась с места, он вдруг открыл глаза и промолвил:

— Возможно, это мой брат.

— Брат? — Айрин опустилась обратно на скамью. — Ты

никогда не говорил о брате!

— Это давняя история, — тихий голос Брайана был похож на шуршание ветра в зарослях вереска. — Когда мне было пять лет, моя мать ушла из дома с чужим мужчиной. Она взяла с собой моего младшего брата, который был еще грудным. Меня отец ей не отдал; позже он снова женился, и у меня появилась мачеха.

— Она дурно обращалась с тобой?

— Вовсе нет. Она была хорошей женщиной, и я называл ее матерью. Бриджит, моя настоящая мать, так и не вернулась, а с ней исчез и Уильям. Отец считал, что они давно погибли, но возможно, их ждала иная судьба. Тогда, как и в нынешние времена, многие ирландцы уезжали за океан. Хотя, вполне вероятно, это просто совпадение.

— Думаю, да, потому что здесь написано, что этот Уильям О'Келли — богатый плантатор.

— Прошло больше сорока лет — за такой срок могло случиться все что угодно, — заметил Брайан и с неожиданной твердостью добавил: — Надо бежать отсюда. Здесь поселилась безнадежность. Надолго, если не навсегда.

— Ты хочешь сказать, мы с тобой должны отправиться в Америку?

— Только ты. Если этот О'Келли в самом деле мой брат и твой дядя, надеюсь, он не откажет тебе в помощи.

— Я тебя не покину, — уверенно произнесла Айрин.

— Боюсь, случится так, что я сделаю это первым, — груст-

но промолвил Брайан.

Остаток дня он спал, а она сидела на скамье, бессмысленно глядя в пустоту. Айрин не могла заставить себя заняться какой-либо работой: все валялось у нее из рук. Уильям О'Келли мог не знать о том, что у него есть брат, и, вопреки словам отца Бакли, давным-давно позабыть о своем происхождении. Зачем богатому плантатору нищая родственница-ирландка?

Брайан О'Келли умер перед рассветом, в тот час, покой которого не нарушает даже ветер, когда действительность напоминает сон. В тот миг, когда отец отошел в иной мир, Айрин пробудилась, будто от толчка, и сразу поняла, что случилось. После похорон она три дня просидела в пустом доме, слушая, как дождь глухо барабанит по крыше. Айрин не хотелось ни думать, ни говорить, ни что-либо делать, ей казалось, что от нее осталась лишь пустая оболочка. Последние силы ушли из нее, как вода утекает в песок. На четвертый день к ней пришел отец Бакли. Айрин нехотя пересказала ему разговор с отцом, и священник принялся убеждать ее в том, что желание отправить дочь за океан было последней волей Брайана.

— Я не могу поехать, — сказала Айрин.

Она представила, как через несколько недель дом зарастет травой и мхом, дверные петли проржавеют, а заколоченные окна будут напоминать слепые глаза. Могилы матери, отца и братьев со временем исчезнут с лица земли.

— Случается, наступает момент, когда приходится подводить черту под прежней жизнью, — сказал священник.

— Жизнь бывает только одна.

— Иногда есть возможность начать новую, — заметил отец Бакли. — Не думаю, что эта газета попала в мои руки случайно. В такие вещи надо верить, как верят в деяния Господа.

— У меня нет денег, и я не знаю, куда ехать.

— Деньгами я тебе помогу, а дорогу знает семья Джона О'Лири. Я договорился — ты поедешь с ними.

— Они тоже уезжают?

— Да.

О'Лири жили через два дома, но Айрин редко разговаривала с ними. С некоторых пор окружающие говорили мало, почти не проявляли эмоций, а двигались неторопливо, стараясь сберечь силы. У О'Лири имелась повозка-двуколка с цельными деревянными колесами: Айрин видела ее, когда проходила мимо их двора. Она подумала было, что это облегчит путь, и только потом вспомнила, что лошадь-то они давно съели. Когда-то у Джона и его жены Салли было трое детей, а теперь остался только один.

— У них есть родственники в Америке?

— Нет, но они надеются найти там работу.

Айрин согласилась ехать лишь потому, что совершенно не знала, что делать дальше. Она провела день, прощаясь с красками, ароматами и звуками родного края. Пахучая зе-

лень лугов, сиреневые переливы вереска, изменчивая линия морского побережья, причудливые нагромождения отвесных скал: Айрин говорила себе, что там, за океаном, она будет бережно хранить их в памяти, как единственную реликвию.

Неподалеку от деревни находилось странное сооружение — огромная каменная плита, которая покоилась на стоявших торчком камнях: плод труда неведомых великанов. Кто-то считал, что это один из алтарей былых обитателей Ирландии, почитавших солнце, другие — что это памятники над древними могилами. Накануне отъезда Айрин пришла сюда, чтобы поклониться прежней религии своего острова. Она знала, что отец Бакли не одобрил бы ее поступка, но не смогла удержаться: ей чудилось, будто таящаяся в дольменах могучая и отчасти пугающая сила сможет ей помочь. Она долго молилась без слов, как молятся в глубоком отчаянии, когда уже не осталось надежды.

[1] Область на западе Ирландии.

[2] Одной из причин Великого голода в Ирландии стала эпидемия картофельного грибка.

[3] Темра (от др.-ирл. *Temair Breg*) — священный центр Ирландии; расположен на востоке страны в современном графстве Вестмит.

Глава вторая

Айрин так и не поняла, как О'Лири отнеслись к тому, что им навязали попутчицу. Когда они тронулись в путь, она рискнула заговорить с Салли:

— Тебе не кажется, что мы обрекаем себя на ссылку?

— Я готова сойти даже в ад, если там есть еда, — ответила та.

— Из какого порта отходит корабль?

— Из Ливерпуля, — сказал Джон.

Услышав ответ, Айрин потеряла дар речи. Едва ли у нее хватит денег на такое путешествие! Чтобы хоть как-то отблагодарить своих попутчиков, она предложила Салли нести ее сына по очереди. Томасу исполнилось три года, но он весил не больше годовалого ребенка. И даже такая ноша была тяжела для отощавших, похожих на тени взрослых. Они пересекли пролив на утлом суденышке, заплатив перевозчику по два пенса. Туман поднимался к небу и растворялся, словно дым. Волны казались тяжелыми и холодными, а противоположный берег — недостижимым. Держа на руках спящего Томаса, Айрин с тревогой думала о том, что будет, если она не сможет купить билет на судно, и боялась заговорить об этом с О'Лири.

Наконец они оказались в Ливерпуле. Близился вечер. В море отражалось множество огней. По волнам скользили

небольшие рыбацьи лодки и легкие парусники; пароходы с шумом вспенивали воду, выпуская из труб клубы белесого дыма. Айрин ощутила полузабытый трепет, какой возникает тогда, когда человек приближается к призрачной грани, отделявшей настоящее от будущего, от воплощения мечты в реальность. Внезапно ей стало тяжело дышать, она с трудом глотала воздух, пропитанный запахом соленого тумана.

Гавань была запружена судами, пристани протянулись на сотни футов, бесчисленные мачты и снасти напоминали фантастический лес. Айрин никогда не видела столько людей, собравшихся в одном месте, и страшно боялась потерять из виду Джона и Салли. Она пробиралась сквозь толпу, словно через какое-то месиво, не различая ни отдельных лиц, ни голосов, которые слились в мощный гул.

Вскоре Джону удалось выяснить, что все места на суда, отходящие в ближайшее время, раскуплены. Это касалось не только пассажирских, но и грузовых кораблей. Тем не менее он, Салли и Айрин встали в хвост длинной очереди, которая вилась по причалу, как огромная змея, и, казалось, исчезала где-то за горизонтом. От нечего делать Айрин принялась разглядывать стоявших рядом людей: непривычно тихих детей, похожих на живые скелеты женщин, мужчин с ожесточенными лицами и пустыми взглядами.

Вдоль очереди прохаживались следившие за порядком констебли в темно-синих куртках, а еще Айрин увидела женщину, которая выглядела иначе, чем люди в очереди. Ее фи-

гуру скрывала черная накидка тонкого сукна, на шляпке трепетали перья, руки были засунуты в муфту. Айрин заметила, что женщина высматривает в толпе молодых девушек, подходит к ним и тихо заговаривает, очевидно, что-то предлагая. Сама не зная почему, она попыталась спрятаться за спину Джона, однако женщина скользнула по ее лицу равнодушным взглядом и прошла мимо: Айрин выглядела слишком бледной и тощей.

Зато к ней подошли монахини, бесплатно раздававшие больным и ослабевшим от голода людям хлеб и чай. Айрин жадно схватила горячую кружку, забыв поблагодарить, и, не чувствуя боли в обожженных руках, пила сладкую влагу осторожными маленькими глотками, словно стремилась продлить наслаждение. Через несколько мгновений по жилам разлилась приятная теплота, душа и тело согрелись и ожили, мозг проснулся и заработал, будто заново смазанный механизм. Именно эта чашка чая позволила Айрин пережить весть о том, что у нее не хватит денег на билет. Ей пришлось признаться в этом, когда в ответ на ее вопрос Джон назвал примерную цену.

— Я согласна ехать в трюме!

— Мы и так поедem в трюме, других мест нет.

Айрин еще не знала о том, что суда с эмигрантами, напоминают запаянные железные банки, внутри которых задохнутся десятки добровольных пленников.

— Вы не одолжите мне денег?

Джон хотел что-то сказать, но его опередила Салли. Ее лицо вытянулось, а глаза сделались злыми.

— Мы собирали их не один год и за это время потеряли двоих детей. Тебе же отец Бакли дал деньги просто так. А я не собираюсь этого делать!

— Я верну вам деньги, когда мы приедем в Америку.

— Где ты их возьмешь?

Айрин набралась храбрости и сказала:

— Мой дядя — богатый плантатор, он мне поможет.

Салли презрительно фыркнула.

— Ты веришь в эти сказки? Да кому ты нужна!

Айрин беспомощно посмотрела на Джона. Тот стоял, надев на лицо маску равнодушия, и молчал.

Она попятилась, а потом повернулась и побрела прочь. В эти минуты Айрин О'Келли стало ясно: голод не только иссушил тела людей. Он выпил их души, похитил ту сердцевину, без которой человек уже не человек, а всего лишь тень.

Айрин шла вдоль очереди, и постепенно ее охватывал ужас бездомного скитальца, на которого внезапно обрушились все беды мира. Она с завистью думала о тех, кто в эти минуты сидел в тепле и уюте, имел кров и еду. Внезапно кто-то взял ее за локоть и развернул к себе. Перед ней стояла та самая женщина в черном. Вблизи ее лицо казалось старше; несмотря на слой пудры были видны жесткие складки у губ и сеть морщинок вокруг глаз. Айрин почувствовала, что дрожит — не столько от холодного ветра, сколько от неприят-

ного тягостного чувства.

— Нет денег на билет? — прямо спросила незнакомка.

Айрин кивнула.

— Ты с кем-то?

— Нет, одна.

— Сколько нужно доплатить?

— Два фунта.

— Еще столько же понадобится, чтоб не сидеть здесь несколько недель! — заявила женщина и заметила: — Не знаю, найду ли я для тебя клиента, но попробовать можно. Сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

— Я думала, меньше. Скажем, что тебе четырнадцать. Ты девственница? И, надеюсь, у тебя нет вшей?

Айрин молчала. Женщина впилась в нее взглядом.

— Билеты в рай не достаются даром.

Поскольку Айрин по-прежнему не произнесла ни звука, незнакомка добавила:

— То, с чем ты боишься расстаться, вовсе не такое сокровище, как тебе кажется. Рано или поздно ты все равно подаришь его какому-нибудь шалопаю, а он и спасибо не скажет. Решайся. Завтра сможешь сесть на свой пароход.

Айрин знала, что многие из ее соотечественников за возможность пересечь океан готовы продать даже душу. Она не то чтобы дорожила своим целомудрием, а попросту не задумывалась об этом, как и о многих других вещах: о заму-

жестве, о любви. Ее испугало не столько само предложение, сколько ощущение грозной, властной, неумолимой силы, исходящей от незнакомки.

— Нет, я не хочу! — Айрин отшатнулась и пошла прочь.

Женщина не сдвинулась с места, однако бросила вслед:

— Милостыню просить бесполезно — здесь слишком много таких, как ты!

Айрин знала, что это так. В Ливерпуле, как, впрочем, во всей Англии, ирландские эмигранты не вызывали ни жалости, ни сочувствия: к ним относились как к навязчивым насекомым или растениям-паразитам. Она подумала, что нужно найти место для ночлега, и решила поискать дешевую гостиницу. Она не знала города, поэтому боялась удаляться далеко от порта. Улицы были запружены экипажами; пару раз Айрин едва не угодила под колеса и удостоилась отборной ругани.

Вскоре она заметила, что ее преследуют. Какой-то мужчина упорно шел за ней. На его лицо падала тень от козырька потертой фуражки, он держал руки в карманах широких штанов. Айрин много раз переходила с одной стороны улицы на другую — он делал то же самое. Не в силах совладать с нервами, она принялась лихорадочно оглядываться, а вскоре побежала. Она задыхалась, между тем преследователь прибавил шаг. Как назло, навстречу не попадалось ни одного констебля. Почувствовав сильную боль в боку, Айрин необдуманно свернула в темный переулок, надеясь спрятаться и

переждать, пока он пойдет мимо, однако мужчина заметил ее маневр.

Она сидела на земле, сжавшись в комок, и в ее воспаленном воображении фигура нависшего над ней мужчины приобрела угрожающие размеры. Холодные, как у змеи, глаза, бугристая жабья кожа, рот, похожий на прорубленную топором щель. Когда огромная рука схватила ее за лиф платья, в котором были спрятаны деньги, она не выдержала и потеряла сознание.

Глава третья

Айрин не знала, сколько времени пролежала в обмороке; она долго не могла подняться, испытывая ощущения, какие испытывает человек, упавший с высоты: он догадывается, что у него переломаны конечности, но не шевелится, боясь удостовериться в этом. Наконец холод заставил ее встать на ноги. Лиф платья был разорван, деньги исчезли, все до последнего пенса. Она пустилась в обратный путь бездумно, как машина, и ничуть не удивилась, когда в конце улицы к ней подошла все та же женщина в черном.

— Ну как, нашла то, что искала?

— Меня ограбили.

— Зачем ты отправилась в город одна? И где ты теперь собираешься ночевать? Денег у тебя нет, а богадельни переполнены, — сказала женщина и повторила свое предложение: — Если пойдешь со мной, тебе заплатят, и ты сможешь уехать в Америку.

Перед мысленным взором Айрин возникли воды родного залива в рамке зеленых берегов, где ароматы трав смешивались с запахом водорослей и нагретых солнцем скал. Нагромождения камней казались развалинами древнего города, стоявшего здесь от начала времен. Она покинула родные края в надежде угодить в рай, а в результате стояла одной ногой в аду!

— Кто вы? — спросила Айрин, пытаясь вытереть слезы.

— Меня зовут миссис Биглер. Я помогаю таким, как ты, и никого не обманываю. Если я сказала, что завтра ты сможешь купить билет на пароход, значит, так и будет.

— Мне нужно семь фунтов.

Айрин подумала о том, что путешествие до Америки продлится никак не меньше недели, и ей придется запастись едой.

— Семь фунтов! Слишком много. Но я постараюсь что-нибудь придумать. Есть один господин, который хорошо платит за таких девчонок, как ты.

С этими словами миссис Биглер решительно взяла Айрин за руку и повела за собой. Дом располагался недалеко, на этой же улице. Возле входа женщина поймала мальчика и шепнула:

— Гарри, сбегай к мистеру Адамсу. Скажи, есть девушка. Возможно, он захочет прийти?

Мальчишка пустился бежать со всех ног, а миссис Биглер и Айрин поднялись по деревянной лестнице на второй этаж. Хозяйка отворила дверь и сказала:

— Сюда.

В тесной комнатке стояли железная кровать, туалетный столик и умывальник. Обои были покрыты пятнами. Под ногами шуршал и сбивался в кучу вытертый коричневый коврик. Растрепанная, грубо накрашенная особа лениво одевалась, не стесняясь вошедших.

— Подожди, — сказала миссис Биглер и вышла.

— Первый раз? — равнодушно спросила девица, поставив ногу на стул и натягивая чулок. — Сколько тебе обещали?

— Семь фунтов. — Айрин казалось, что эти слова произнес кто-то другой.

— Везет же некоторым! — сказала проститутка.

Она опустила подол и покинула помещение вслед за хозяйкой. В комнатке витали запахи дешевых духов, пота, грязного белья. Заметив на туалетном столике среди каких-то баночек и грошовых украшений сухарь, Айрин схватила его и принялась жадно грызть. Вошла хозяйка и протянула ей розовое в цветочек перкалевое платье.

— Сними свои лохмотья и надень.

Оглядев спутанные волосы Айрин, миссис Биглер воткнула в них яркий бумажный цветок, что лишь усилило впечатление неряшливости и вульгарности.

— Сойдет. А теперь выпей. Это поможет.

И протянула ей стакан с какой-то жидкостью. Не подумав о том, что спиртное может сотворить с ее ослабевшим, непривычным к возлияниям организмом, Айрин залпом проглотила питье и только потом сморщилась и закашлялась от мерзкого вкуса. Она опустилась на кровать. Голова кружилась, перед глазами плясали звездочки. Она почти впала в забытие, когда услышала голос миссис Биглер:

— Ирландка... Ей четырнадцать... Здорова...

С хозяйкой заговорил мужчина, но Айрин не могла разо-

брать слов. Незнакомец приблизился к кровати, и девушка сжалась в комок. Тело окаменело, по спине змеился неприятный холодок. В затуманенном мозгу промелькнуло воспоминание об отце Бакли, который часто говорил о милосердии. Увы, ни мольбы, ни слезы не могли пробить брешь в гранитной стене настоящего и позволить проникнуть в будущее! Единственным средством оставался голый расчет. Комната пульсировала, как огромный живой орган, сжималась и увеличивалась в ритме биения сердца Айрин. Незнакомец стянул с нее платье и ветхую, истертую от бесконечных стирок сорочку. Айрин не сопротивлялась, лишь обхватила плоскую грудь худыми руками и подтянула к ней острые колени.

— Нет-нет, — услышала она голос, — не так.

Мужчина взял ее за руки, потом за ноги и выпрямил их: Айрин казалось, что он обращается с ней, как с куклой. Он что-то повторял хриплым шепотом, и ей чудилось, будто он произносит зловещие заклинания. Айрин постаралась воспринимать происходящее, как жертвоприношение, жестокую, но необходимую муку. Ей казалось, что своим острым, как лезвие косы, позвоночником она ощущает сквозь жидкий матрас ледяной холод железной кровати, тогда как внутри тела, вспоротого грубой силой, было горячо, как в утробе скотины, которую отец резал к праздникам в те времена, когда в Ирландию еще не пришел голод. То был неприятный жар, сопряженный с болью, отчаянием и смертью. Она была

так измучена, что, когда все закончилось, мгновенно провалилась в похожий на беспмятство сон.

Утром Айрин ожидала, что ее охватит чувство невыносимого стыда, но вместо этого ощутила неожиданное спокойствие. Падение свершилось, она перешла грань и лучшее, что она могла сделать, постараться не думать о том, что произошло. Она еще не знала, что есть вещи, которые можно вычеркнуть из памяти разума, но только не из памяти души и сердца. Айрин поднялась с кровати и натянула одежду. Теперь нужно было найти миссис Биглер и потребовать с нее плату.

— Через несколько дней ты забудешь об этой ночи, — уверенно произнесла хозяйка, протягивая Айрин деньги. — Будущему мужу можешь сказать, что тебя изнасиловали на пароходе. А у тебя есть женские недомогания?

Девушка пожала плечами. Какие недомогания, когда она столько месяцев голодала!

— Тогда хотя бы не забеременеешь. Кстати, не хочешь остаться у меня? Откормим тебя, заведешь постоянных клиентов...

Айрин отчаянно замотала головой.

— Мне нужно уехать.

Город просыпался. Мостовая вздрагивала от толчков, слышался стук колес экипажей, гомон толпы. Из лавочек, кабачков и кофеен тянуло запахом съестного, и Айрин решила утолить голод, а заодно запастись продуктами в дорогу.

Впервые за несколько лет ей довелось сытно поесть: овсяная каша, яйца, бекон, белый хлеб. Она взяла с собой горку тонких ячменных лепешек, сыр, вяленое мясо и несколько яблок — все это было тщательно завернуто и надежно упрятано в холщовый мешок от взоров и обоняния оголодавших соотечественников.

Когда Айрин приблизилась к порту, ее взору открылась беспредельная ширь воды и неба. Она увидела пароход, из чрева которого вырывался пар и улетал к небесам, винты взрезали воду, будто плуг — податливую землю, а та вздымалась и падала, бурлила и бежала вдоль бортов. Когда Айрин подумала о том, что, возможно, уже сегодня ей удастся покинуть этот ставший ненавистным берег, на душе немного полегчало. Окинув взглядом посеревшие, хмурые, утомленные лица окружающих, Айрин подошла к своим попутчикам. Джон, Салли и их сын находились на прежнем месте: они провели ночь в порту. Она показала им деньги.

— Где ты их взяла?

Глаза Айрин были сухи, взгляд холоден, а голос тверд:

— Заработала.

Джон удивленно приподнял брови, а Салли отшатнулась от Айрин с таким видом, словно та принесла в подоле опасную болезнь.

— Где заработала?

— Это вас не касается. Сегодня мы сможем отплыть?

— Да. Обещают еще одно судно, — сказал Джон. — Давай

твои деньги, я постараюсь раздобыть билет.

— Нет, я пойду с вами.

Они вернулись через несколько часов, утомленные, но довольные, с билетами в руках. Впереди их ждала санобработка и выдача разрешения на посадку: на корабли старались не допускать пассажиров, у которых водились вши, а также тех, кто мог распространить какую-либо заразу.

— Ты не можешь понести Томаса? — спросила Салли у Айрин и оскорбленно поджала губы, когда та ответила:

— Неси сама. Я устала.

Они думали, что посадка будет напоминать похоронную процессию, но случилось чудо: люди внезапно ожили, в них всколыхнулись остатки сил. Очередь рассыпалась и принялась штурмовать судно. Айрин видела искаженные отчаянием и злобой лица, руки живых скелетов, пытавшиеся схватить соседа за горло, слышала крики и скрежет зубов. Толпа подхватила ее и понесла вперед, подобно взбесившейся волне. Айрин из последних сил прижала мешок с едой к животу и отдалась на милость стихии. Ее основательно помяли, но все же она очутилась там, куда стремилась попасть: возле ограждения, за которым начиналась посадка. Береговая охрана пыталась навести порядок, матросы кричали, что погрузка не закончится до тех пор, пока на палубу не поднимется последний из тех, у кого есть билет.

Когда Айрин ступила на корабль, она не чувала под собой ног. Большинство эмигрантов размещалось в межпалубном

отсеке, напоминавшем подzemелье. На верхнюю палубу их не пускали. Кто-то сидел на полу, другие взбирались на дощатые нары. В полутемное низкое помещение набилась не одна сотня оборванных, грязных, измученных и раздавленных жизнью людей. Айрин нашла место на нарах под низким потолком, где было темно и тесно, как в гробу. Она почувствовала, как пароход сдвинулся с места и тяжело потащился вперед. В этот миг ей чудилось, будто она похоронена живо и ее везут прямо в Преисподнюю.

Большую часть суток Айрин лежала на досках, задыхаясь от нестерпимой вони и страдая от жестокой качки. Она старалась принимать пищу, когда соседи спали, а если засыпала сама, то клала мешок под себя или крепко прижимала к груди. Когда она думала о будущем, ее глаза то сверкали зеленою, то становились похожими на болотную воду, а перепады настроения напоминали движение маятника. Айрин не интересовало, где разместились семья Джона О'Лири, с некоторых пор ей не было до них никакого дела. Салли сама отыскала ее и попросила сойти вниз.

— Послушай, — голос женщины был надтреснутым, слабым, — у тебя есть еда? Мы с мужем потерпим, но я боюсь за Томаса!

Айрин выдержала выразительную паузу, потом сказала: — Пойдем.

Они направились туда, где стоял проржавевший бак с несвежей водой, из которого пили все — и здоровые, и боль-

ные, развязала мешок и дала Салли три лепешки, мясо и яблоки. Салли схватила еду. Вероятно, в качестве благодарности она решила поговорить с Айрин:

— Что ты думаешь делать, когда мы пристанем к берегу? Отправишься искать своего дядю?

Айрин посмотрела вниз, на тусклые полосы света, просачивающиеся из верхних помещений и переплетавшиеся на полу у нее под ногами. Она подумала о напрасном труде Брайана О'Келли, бесплодных усилиях отца Бакли, ожесточенной борьбе и пустых надеждах тысяч ирландцев, об их растроченной жизни и тяжело обронила:

— Не знаю.

Быть может, если бы она имела возможность подняться наверх, увидеть блеск необъятных океанских вод и нестерпимое сияние солнца, узреть лица людей, которым довелось родиться счастливыми, она бы ответила иначе. А так ей не давали покоя мысли о том, что всем, кто плыл в мрачной утробе сотворенного человеческими руками чудовища, придется начинать жизнь в чужой стране в такой же беспросветной нужде, от которой они надеялись убежать.

Глава четвертая

«Темра — темное, таинственное слово, похожее на название замка», — думал Джейкоб Китинг. Он шел по проселочной дороге, по обеим сторонам которой простирались хлопковые поля. Здесь было так тихо, что казалось, можно услышать, как растет трава. Небо на горизонте имело цвет красного вина, а ветер пах совсем не так, как в Новом Орлеане, где он родился: азалией, жимолостью, соснами и свежевспаханной землей.

Отец Джейка был торговцем; старший сын Ричард с малолетства помогал ему в лавке, тогда как младшему, которого всегда больше интересовали люди, а не вещи, захотелось стать врачом. Получив образование на Севере, в университете Нью-Йорка (скрепя сердце отец оплатил обучение), он вернулся в родной город, полный любви к своей работе, способной заполнить не только время, но и душу.

За минувшие три года молодой доктор Джейкоб Китинг приобрел немалый опыт лечения желтой лихорадки, родильной горячки и гнойных ран. Он только не знал, как исцелить пациентов от бедности, из которой не мог выбраться и сам. Двери богатых домов для него, человека невысокого происхождения, были закрыты, поэтому ему приходилось принимать как эмигрантов, так и местных бедняков, у которых тоже не было ни гроша. Зачастую Джейк больше тратил, чем

получал, потому что не мог спокойно смотреть на умирающих от голода детей и их отчаявшихся родителей.

Наконец он пришел к выводу, что надо что-то менять в своей жизни. Вскоре ему на глаза попало объявление в газете: некий Уильям О'Келли, владелец имения Темра в Южной Каролине, приглашал на работу врача, предлагая пять долларов в неделю, стол и бесплатное проживание на плантации, где работали три сотни негров. Джейк задумался. Невелика честь лечить чернокожих рабов, но зато при известной бережливости он смог бы скопить денег. Молодой человек написал хозяину плантации и вскоре получил ответ: его ждут в имении. Уильям О'Келли подробно описал, как добратся до Темры, и даже выслал денег на дорогу. Это было кстати, потому что Джейку пришлось потратиться на на приличную одежду — белую сорочку, серый сюртук и черные брюки. Отправляясь в путь, он до блеска начистил сапоги, повязал модный галстук и надел широкополую панаму. В руках Джейк держал свое главное богатство — потертый саквояж с инструментами, лекарствами и несколькими книгами по медицине.

Он не боялся заблудиться: недавно ему встретились люди, которые сказали, что если идти по этой дороге, никуда не сворачивая, то она приведет его прямо к Темре. Сердцем имения был особняк с белыми оштукатуренными колоннами, в окнах которого отражалось вечернее небо. Джейк шел под высокими, широкими, как шатры, сводами деревьев, по-

чти смыкавшимися над подъездной аллеей, и гадал, кто и как встретит его в этот поздний час. Он утомился в дороге, а желудок сводило от голода, отчего на память приходил вкус заманчивых блюд креольской кухни: запеченных на каменной соли в половинках створок и посыпанных зеленью устриц, приправленных перцем вареных крабов и джамбалайи[1]. Заметив манящие огоньки ламп, почувствовав запах еды, Джейк приободрился и прибавил шаг. Навстречу с громким лаем выскочило несколько собак, потом вышел высокий плечистый негр в ливрее и с поклоном произнес:

— Доктор Китинг?

— Да, — ответил Джейк.

Он удивился и одновременно обрадовался тому, что все знают о его приезде.

— Пожалуйста в дом, сэр.

Джейк прошел мимо пышных клумб и цветущих магнолий и поднялся на высокое крыльцо вслед за своим провожаемым. Миновав холл и очутившись в гостиной, он был поражен обилием тяжелой мебели красного дерева, толстых индийских ковров и массивного серебра, казавшихся неуместными в этом сельском жилище. Впрочем, владелец трех сотен рабов мог позволить себе подобную роскошь. Ставни были распахнуты, и душистый вечерний воздух свободно вливался внутрь помещения. В углах комнаты стояли высокие светлые вазы с живыми цветами. Под потолком висела солидная бронзовая люстра. Джейк с любопытством разгляды-

вал обстановку, а потому не заметил, как слуга удалился и появился снова.

— Пройдите в кабинет, сэр. Мистер О'Келли примет вас,
— важно произнес он.

Джейк вошел в комнату, стараясь не скрипеть половицами, и вежливо поклонился. Стройный седовласый Уильям О'Келли с грустинкой в светлых глазах и добрым лицом напоминал не плантатора, а ученого. Впечатление усугублялось обстановкой кабинета: старинное дубовое бюро, уютное потертое кресло и множество простых стеллажей с рядами книг. Хозяин поздоровался с Джейком, осведомился, как прошла дорога, после чего промолвил:

— Утром наш управляющий, мистер Фоер, подробно расскажет вам о поместье. Все, о чем я говорил в письме, остается в силе.

Джейк кивнул.

— Я потихоньку передаю дела своему сыну Юджину; его вы тоже увидите завтра, — сказал мистер О'Келли и замолчал.

Джейк замешкался; между тем дверь за его спиной открылась, и в кабинет кто-то вошел. Он оглянулся и, увидев девушку, по-видимому, дочь хозяина, поспешно поздоровался.

— Это мистер Китинг, врач, который будет лечить наших рабов. А это моя дочь Сара, — сказала мистер Уильям.

— Папа, ужин готов, — сообщила она, небрежно ответив на приветствие незнакомца.

Джейк позволил себе рассмотреть ее получше. Внешне хрупкая, Сара О'Келли была полна внутренней силы. Ее рыжеватые волосы были аккуратно уложены в сетку, складки расшитого крохотными незабудками сиреневого платья безупречно расположены поверх обручей кринолина. Маленькие руки выглядели беспомощными и слабыми, но взор голубых глаз казался не по-женски проницательным и трезвым. Бледные, чуть тронутые веснушками щеки ни капли не порозовели под взглядом Джейка, и он подумал, что для этой девушки он всего лишь наемный работник, слуга.

— Я прикажу мальчику проводить вас туда, где вы будете жить, — сказал мистер Уильям. — Вас встретит один из наших работников; он предупрежден о том, что вы приедете. — После чего обратился к дочери: — Идем, Сара. Плохо, если ужин остынет.

Солнце склонилось к горизонту, краски небесных чертогов погасли, и землю постепенно окутывал сонный полумрак. Ветер стих, и деревья, еще несколько минут назад бросавшие на землю причудливые, качающиеся тени, теперь напоминали неподвижные черные свечи. Джейк шел по тропинке в сопровождении шустрого негритенка. Он попытался задать мальчишке вопросы, но тот вприпрыжку бежал впереди и то ли не слышал его слов, то ли делал вид, что не слышит. Неподалеку от того места, где начинались ряды негритянских хижин (там горел костер, оттуда пахло едой, долетал гул множества голосов и нестройное пение), стоял бре-

венчатый дом, в дверях которого Джейк заметил какого-то малого, смотревшего на него выжидающе и, как ему показалось, враждебно.

— Здесь, сэр! — бросил негритенок и что есть мочи пустился обратно к хозяйскому дому.

Джейк попытался рассмотреть человека, с которым ему предстояло делить кров. У того был смуглый цвет лица, резкая линия скул, неприятный холодок в узких глазах, уверенный, властный и вместе с тем настороженный вид. Он был ровесником Джейкоба, и среди его предков наверняка были индейцы, но Китинг сразу почувствовал, что об этом не следует заговаривать. А еще он понял, что едва ли ему удастся, да и захочется подружиться с этим человеком. Джейк сделал шаг вперед и остановился, не зная, что делать, между тем незнакомец улыбнулся одними губами и протянул ему руку.

— Барт Хантер.

— Джейкоб Китинг, — представился он, отвечая на рукопожатие. — Я врач.

— А я — старший надсмотрщик, — сообщил Барт и пригласил: — Заходи в дом.

Внутри царил беспорядок, какой можно встретить в жилье одинокого мужчины. Потемневшая от времени мебель была покрыта глубокими царапинами, похожими на шрамы. Пахло кожей, старым деревом, табаком, а еще — свежеприготовленной пищей. Джейк увидел на столе блюдо с горой дымящейся фасоли и тарелку, на которой лежал внушитель-

ный кусок баранины.

— Садись. Ты, наверное, голоден? Я как раз собирался ужинать. А еще у меня есть кукурузное виски.

Джейк поставил саквояж, снял сюртук и панаму и сел за стол. Барт достал из видавшего виды сундука большую тыквенную бутылку и разлил резко пахнущий напиток.

— За знакомство! Только чтобы об этом не знали хозяева и мистер Фоер, — сказал он и поднял свой стакан.

Джейк хотел отказаться, но потом подумал, почему бы и нет, и сделал два больших глотка. Он все еще пребывал во власти обиды на то, что его не пригласили на ужин в господском доме, а сослали на задворки. Не привыкший к крепким напиткам Джейк закашлялся, а Барт рассмеялся, тряхнув жесткими черными волосами.

— Ешь!

По телу разлилось приятное тепло, усталость постепенно отпускала мышцы. Впившись зубами в душистую мякоть баранины, Джейк зажмурился от удовольствия.

— Спасибо. Очень вкусно.

— Откуда ты? — спросил Барт.

— Из Нового Орлеана.

Барт присвистнул.

— Чего ради тащился в такую даль?!

Джейк решил не лукавить, ибо им предстояло жить и работать бок о бок. К тому же он был благодарен Барту за гостеприимство.

— Решил заработать денег. В моем родном городе с этим туго.

— Сколько тебе предложил старик Уильям?

— Пять долларов в неделю.

Барт откинулся на спинку стула и кивнул головой.

— Неплохо. К тому же едва ли у тебя будет много работы. Черномазые не так уж часто болеют. Но постоянно стремятся отлынивать, так что тут надо смотреть в оба!

— Кто лечил их прежде?

— Никто. Хотя среди них есть свои знахари, которые верят в то, что завернутый в красную тряпку ржавый гвоздь может избавить человека от любой болезни! По соседству живет доктор Уайтсайд, но он же не станет возиться с неграми! — ответил надсмотрщик и с усмешкой заметил: — Кстати, приятель, ты свалил дурака: после того, как ты лечил чернокожих, к тебе не обратится за помощью ни один белый!

— Я не собираюсь оставаться в этих краях. Поработаю, сколько нужно, и вернусь в Новый Орлеан. А ты откуда?

— Я здесь тоже недавно, — промолвил Барт, не отвечая на вопрос. — Прежнего надсмотрщика погнали в шею, поскольку он был ленив, вороват, да к тому же пил. На его место просилось несколько человек, но взяли меня.

— Почему? — спросил Джейк, покосившись на пустой стакан соседа.

— Потому что рабы дрожат от одного моего взгляда.

Они еще немного посидели за столом, потом Барт сказал:

— Ты, наверное, устал. Ложись спать. Сегодня тебе придется устроиться на полу, а завтра поставим вторую кровать.

Джейк не успел ничего ответить, как снаружи раздался осторожный стук.

— Кто там?!

Не дождавшись ответа, Барт раздраженно рванул дверь на себя, и в проеме возникла темная фигура. Незванный гость молча сделал шаг вперед и вступил в полосу света. Джейк невольно замер. Возможно, в том было виновато выпитое виски, но даже сознание того, что эта девушка — негритянка, точнее, мулатка, рабыня, не могло умалить его восхищения. Ее черные волосы струились по спине и завивались пышными кольцами ниже талии, а глаза сверкали, как антрацит. Простая одежда не скрывала гибкости стройного, сильного, подвижного тела. Крупные дешевые браслеты делали смуглые руки еще изящнее и тоньше. Барт узнал ее.

— Лила? Что тебе нужно?

— Простите, сэр — робко произнесла мулатка. — С сыном нашей соседки что-то неладное, он задыхается, и мы не знаем, как ему помочь. Я слышала, на плантации появился доктор, который остановился у вас.

— Откуда узнала?

— Джеф сказал, — в голосе мулатки звучали боязливые, извиняющиеся нотки.

— От черномазых ничего нельзя утаить, любая новость распространяется с бешеной скоростью, — досадливо про-

изнес Барт, тогда как Джейк торопливо встал, надел сюртук и взял саквояж.

— Проводи меня! — бросил он девушке и вышел за дверь.

Черное полотно неба было покрыто серебряной вышивкой звезд, такой частой, какая бывает только в южных краях; большая луна ярко освещала тропинку. Лила быстро шла впереди Джейка, и ее бедра покачивались в особом, плавном, сводящем с ума ритме, а грива волос упруго колыбалась за спиной.

Она привела его к хижине и распахнула дверь. Джейк вошел, и его тут же окружило множество лиц, казавшихся еще чернее по контрасту с белыми зубами и сверкающими белками глаз. Внутри было темно, и стоял типичный запах негритянского жилья. Какая-то женщина раскачивалась из стороны в сторону и беспрестанно голосила. Джейк велел Лиле взять лучину и осветить. Он увидел маленького мальчика, который лежал на коленях матери, как тряпичная кукла, и казался мертвым. Джейк с трудом добился ответа о том, что случилось. Оказалось, ребенок проглотил большой кусок черствой лепешки, подавился и стал задыхаться. Недолго думая, Джейк схватил негритенка за ноги и как следует встряхнул. Из горла ребенка вырвался булькающий звук, а потом наступившую тишину разорвал звонкий крик. Облегченно вздохнув, Джейк передал мальчишку в руки матери.

Убедившись, что с ребенком все будет в порядке, он вышел за дверь, Лила — следом за ним. Она ничего не сказа-

ла, лишь блеснула смущенной улыбкой и неловко поправила волосы. Светлые ногти на ее длинных смуглых пальцах напоминали маленькие перламутровые раковины.

— Ты позвала меня вовремя, — сказал Джейк.

Она вновь ничего не ответила, не произнесла даже привычного «да, сэр!» и скрылась в темноте. Призрачный свет проникал сквозь кроны деревьев, и тени покрывали тропинку сложным узором. Джейк подумал, что днем местность наверняка будет выглядеть иначе, скорее всего, он ее не узнает, как и мулатку Лилу, одну из многих рабынь, что от зари до темна трудились на огромной плантации. Оглянувшись, он увидел, что огни в негритянских хижинах погасли. Наступила непроглядная ночь.

Барт не спал. Он спросил, что произошло, и Джейк коротко рассказал.

— Вообще-то эта девчонка из новеньких, их с матерью купили несколько недель назад вместе с партией негров.

— Она показалась мне очень красивой, — сдержанно произнес Джейк, раздеваясь в темноте. — Странно, что такая девушка работает в поле!

— Это все ее мать. С ней приключилась скверная история: она родила от хозяина, и тот ее продал вместе с ребенком. Теперь Нэнси готова сгноить дочь на плантации, лишь бы та не досталась белому, хотя чего ей бояться: мистер Уильям хранит верность покойной жене, ему не нужны даже белые леди, не то, что негритянки. Его сын откровенно брезгует

ими, управляющий Фоер — тоже. Что касается меня, ясно, что Лила девственница, и я не хочу, чтобы Нэнси выцарапала мне глаза!

— А у мисс Сары есть жених? — Джейк сам не знал, зачем задает этот вопрос.

— Какое там! Ей никто не нравится. Она возомнила себя слишком умной. Наверняка так и помрет старой девой.

Джейк ничего не сказал. Он вспоминал плавные летящие шаги мулатки по озаренной призрачным светом тропинке, подлунный мир, который вдруг потерял четкие очертания и открыл простор фантазии. Изучив медицину, он полагал, будто точно знает, что бывает, а что — нет, однако жизнь нередко являла примеры настоящих чудес.

Джейк не питал предубеждений насчет цветных женщин. В Новом Орлеане официально устраивались так называемые кварталонские балы, куда приглашались белые мужчины, а также кварталонки и мулатки, правда, из числа свободных. Пару раз Джейк посещал подобные сборища, но потом отказался от этой затеи: он не хотел заводить легкомысленную интрижку, вместе с тем у него не было средств для того, чтобы завести постоянную содержанку. И сейчас он постарался выбросить из головы мысли о мулатке, которая обитала в дурно пахнущем жилье и гнула спину на плантации под палящим солнцем, и задумался о мисс Саре О'Келли, единственной дочери богатого плантатора, которая решила, что ее ум обширнее и богаче мужского, а слабое женское сердце

похоже на кремень.

— Послушай, — обратился он к соседу, — О'Келли — ирландская фамилия, стало быть, они потомки эмигрантов. Каким образом мистер Уильям приобрел свое состояние?

— Кажется, у его отца была всего-навсего небольшая ферма. Это одна из тех историй, которые так нравятся дамам: бедный молодой человек очаровал богатую наследницу. Они сбежали без родительского благословения и тайно поженились. С тех пор прошло много лет, то происшествие давно забыто, и теперь мистер Уильям уважаемый человек, владелец одной из самых больших плантаций в округе.

[1] Очищенные креветки, обжаренные в масле с зеленым перцем, чесноком и сельдереем и поданные с вареным рисом.

Глава пятая

Никогда Сара О'Келли не испытывала столь пронзительного ощущения счастья, как в тот момент, когда открывала глаза на рассвете, вставала с постели и подходила к окну. Позднее ее затягивали повседневные дела, но в этот миг она с особой первозданной остротой осознавала, как сильно любит окружающий мир. По утрам в ее грудь проникала неповторимая музыка Темры, сотканная из птичьего пения, шороха танцующей на ветру листвы, человеческого смеха и голосов. Саре не были нужны иные горизонты и другое солнце, она желала навсегда остаться там, где ей был известен любой камень, знакомо дыхание каждого цветка.

Ее тревожило сознание того, что рано или поздно старший брат приведет в дом жену. Она не хотела, чтобы в Темре появлялась вторая хозяйка, не желала делиться своим сокровищем с чужой женщиной. По той же причине Сара уклонялась от разговоров о собственном замужестве, хотя ей уже исполнилось девятнадцать. Ей была невыносима мысль о том, что она поселится в чужом поместье, тогда как Юджин станет единолично владеть Темрой. Брат закончил Южно-Каролинский университет и, вернувшись домой, не спешил вникать в дела. Куда больше ему нравилось разъезжать по гостям, состязаться в стрельбе, играть в карты, устраивать петушиные бои и волочиться за девушками. Между тем

Уильям О'Келли мечтал отойти от управления плантацией и посвятить свое время размышлениям, прогулкам и книгам. После смерти жены он утратил дух искателя и страсть к новизне, которые побуждали его бороться с обстоятельствами и неустанно двигаться вперед со времен бесшабашной юности.

Дверь в комнату открылась, отчего занавески затрепетали, и ветер зашевелил распущенные волосы Сары. Она обернулась.

— Это ты, Касси?

Негритянка невозмутимо поклонилась. Она прислуживала госпоже с ранних лет и хорошо изучила ее привычки. Касси была типичной чернокожей служанкой, с виду покорной и простоватой, а на деле — наблюдательной и хитрой. Она превосходно копировала манеры своей хозяйки и нередко высмеивала ее на кухне, к большому удовольствию собравшейся там темнокожей компании.

— Будете одеваться, мисс?

— Да. Отец уже встал?

— Только что.

— А Юджин?

— Вчера он поздно вернулся из гостей, потому еще спит.

— Мистер Фоер приходил с докладом?

— Думаю, он, как обычно, явится после завтрака.

Поверх отделанных кружевом панталон Сара надела жесткие от крахмала нижние юбки. Касси умело затянула хозяй-

ку в корсет и застегнула на ней бледно-голубое ситцевое платье с глухим лифом. Сара накинула на плечи вышитую шелком шаль китайского крепа и посмотрелась в зеркало. Светлые глаза и белая кожа придавали ее облику миловидность и нежность, но нечто, таившееся в линии губ и глубине взора, не давало обмануться. Молодая хозяйка Темры была проницательна и своенравна: после смерти матери эти качества в полной мере проявились в ее характере. Сара не случайно спросила служанку о мистере Фоере: ей хотелось услышать мнение управляющего о новом работнике. На его облике лежал налет благородной бедности, а в выражении серых глаз мелькала тень того, что ему довелось повидать, прочитать и осмыслить.

Джейк тоже проснулся рано и, выйдя на улицу, понял, что не сумел сполна оценить ненавязчивую красоту и беспредельную ширь этого края. Куда ни кинь взгляд, простирались округлые холмы, зеленые пастбища и хлопковые поля с ровными рядами кустов, осыпанных белыми пушистыми шарами. По бескрайнему небу были разбросаны лоскутья облаков.

К большой, истоптанной ногами площадке, расположенной недалеко от того места, где стоял дом надсмотрщика, двигалась вереница негров. Кое-кто из них на ходу доедал завтрак. Джейк знал, что пища — мука, кукурузные зерна, солонина — обычно выдавалась им в сыром виде, и они или

сдавали ее в общий котел, или готовили в собственной хижине. На беглый взгляд, принадлежащие О'Келли негры в основном были здоровы; непохоже, что их плохо кормили или подвергали частым наказаниям. Джейк слышал оживленные разговоры и женский смех, которые смолкли, стоило ему приблизиться к толпе. Он был для них одним из тех, кто олицетворяет высшую власть. Джейк чувствовал их взгляды, которые они быстро отводили, чтобы не встретиться с ним глазами. В их умах и сердцах обитали обычные человеческие мысли и чувства, которые они по привычке старались скрыть. Заметив молодую негритянку с привязанным к спине крохотным ребенком, Джейк подошел ближе и спросил:

— Сколько ему?

Рабыня испуганно присела и прошептала:

— Он родился на прошлой луне.

Представив, как негритянке придется трудиться до самого вечера в гуще пекла, Джейк решительно произнес:

— Возвращайся в свою хижину.

Словно по мановению волшебной палочки, рядом возник Барт, а с ним — три чернокожих «погонщика», в чьи обязанности входило подгонять рабов во время работы.

— Куда ты ее отправляешь?

— Эта женщина не может выйти в поле.

— Почему?

— Потому что она недавно родила и нуждается в отдыхе, не говоря о том, что пребывание на жаре опасно для младен-

ца.

Барт переступил с ноги на ногу и слегка ударил плеткой по своим сапогам.

— Тогда пусть идет на кухню.

— Она пойдет в свою хижину и будет заботиться о ребенке, — твердо произнес Джейк. — Я намерен освободить от работы других кормящих негритянок, тех, кому скоро рожать, а также рабов, которые выглядят больными. Сейчас я проведу осмотр.

— Ты задерживаешь выход в поле. Управляющий разозлится, а достанется мне!

— Это не займет много времени.

Джейк прошел вдоль колонны, в которую вытянулись негры. Заметил вчерашнюю женщину, чей ребенок подавился лепешкой, и спросил, как дела у малыша. А после увидел Лилу. Встретив взгляд Джейка, мулатка опустила ресницы. Ее прекрасные, густые, длинные волосы были подвязаны алой лентой, смуглые ноги прикрывала пестрая ситцевая юбка, зато тонкая ткань белого лифа не скрывала очертаний округлых и полных грудей. Рядом с Лилой стояла высокая, стройная чернокожая женщина, очевидно, ее мать. Она резко выделялась из толпы. Надменные ноздри, чувственные губы, величавая осанка воительницы, а не рабыни. Ее тело было изящно обернуто цветной тканью, она гордо держала голову, от нее исходило магическое ощущение дальних стран с мерцающей пылью равнин, криками диких животных и жа-

ром экваториального солнца. Работа на хлопковой плантации не требовала особых умений и навыков, здесь были нужны лишь выносливость и физическая сила, но в угольно-черных глазах женщины притаился глубокий ум. Казалось, она повидала и пережила все на свете и способна предугадать любую беду. Джейк не решился задержаться возле Лилы и ее матери, столь непохожих на остальных рабынь, и прошел мимо.

Не слушая возражений Барта, он отобрал три десятка женщин с маленькими детьми, указал на пожилого негра с раной на ноге, юношу с какой-то кожной болезнью, двух мальчишек со вздутыми животами и еще на нескольких человек, показавшихся ему слишком худыми.

— Эти люди пойдут со мной.

В темных глазах надсмотрщика вспыхнул гнев.

— Кто дал тебе право освобождать рабов от работы?!

— Мистер Уильям — потому что нанял меня, — заявил Джейк и, спохватившись, спросил: — А кто делал это прежде?

— Как ты думаешь, кто? Я.

— Если тебе жаловались?

Барт ухмыльнулся.

— Мне никто никогда не жаловался. Кстати, вон идет мистер Фоер. Надо же, почтил нас своим присутствием! Спросим у него.

К ним приближался высокий, худощавый, хромой чело-

век с вытянутым лицом, напоминающий крысу. Он был так бледен, точно под его кожей не осталось ни капли крови. Джейк подумал, что у него должны быть холодные и липкие конечности и нрав злобного аскета. Мистер Фоер сухо кивнул Барту и Джейку, не подав руки ни тому, ни другому.

— Сэр, нам надо поговорить, — сказал Барт и предложил: — Отойдем?

Он сделал темнокожим помощникам знак придержать колонну, и трое мужчин отошли на край площадки. Джейк заметил, что, несмотря на деланное равнодушие, в глазах многих рабов сквозит живой интерес к происходящему. Барт коротко изложил суть дела, и мистер Фоер сходу произнес:

— Среди них нет лежащих больных, поэтому на работу выйдут все.

— Это невозможно! — Голос Джейка звенел от напряжения.

Управляющий впился в лицо молодого доктора взглядом водянистых глаз, от чего тот невольно ощутил внутреннюю дрожь, и медленно произнес:

— Мистер Китинг, я должен обеспечить сбор должного количества хлопка. От этого зависит благосостояние хозяев, равно как мое жалованье. То, что вы делаете, недопустимо, ибо завтра к вам явится толпа черномазых с притворными жалобами, и вместо трех сотен невольников в поле выйдет одна.

— Постепенно я осмотрю всех рабов с этой плантации и

смогу понять, у кого из них есть проблемы со здоровьем, а кто склонен к притворству. Это дело одной недели.

— Вы не знаете, сколько тюков хлопка должны собрать чернокожие за неделю!

— Меня волнует не хлопок, а люди, которые его собирают. Мне поручено заботиться о них, и я буду это делать!

Барт презрительно фыркнул.

— Люди! Ты не можешь представить, какие усилия мне приходится прикладывать, чтобы заставить работать мускулы этой толпы, не слишком часто стегая рабов кнутом, дабы они не потеряли в цене!

— Мне остается доложить о происходящем мистеру О'Келли, — холодно заявил Фоер.

— Делайте, что хотите, — ответил Джейк, — я не отступлюсь от своего мнения.

Тем же утром управляющий доложил хозяевам о дерзком поведении нового работника. Джейку было некогда об этом думать: его занимали другие дела. Решив, что негоже принимать больных в своем жилище, он оборудовал местечко под одним из навесов и занялся темнокожими пациентами.

Выслушав доклад Фоера, мистер Уильям удивился, Юджин разозлился, а Сара всерьез заинтересовалась произошедшим. День она провела как обычно (после смерти матери у нее было много дел в усадьбе), а вечером вышла погулять. Она была рада посетить свою волшебную страну, где под ногами звучала чистая песня ручья, в лицо струился аро-

мат азалий, а над головой смыкались темные кроны деревьев. Сара не удивилась, увидев Джейка Китинга, который брел по соседней тропинке, наполовину скрытый кустарником и травой. Она бы слукавила, если б сказала, что не рада такому случаю. Он шел не спеша, чуть согнув плечи; было видно, что он не любит природу, а думает. Подобрав юбки, Сара сделала несколько быстрых шагов и догнала его.

— Мистер Китинг?

Он остановился. Встретив ее прямой, твердый взгляд, слегка смутился и повел рукой по растрепавшимся русым волосам.

— Мисс О'Келли! Простите, не ожидал встретить вас здесь.

— Я всегда гуляю по вечерам. Это мои любимые места. А вам они нравятся?

— Я еще мало что видел.

Сара заправила выбившуюся прядь под украшенную цветами шляпку флорентийской соломки и усмехнулась.

— Зато успели завести на плантации новые порядки. Мистер Фоер уже доложил нам об этом.

Джейк развел руками.

— Я просто выполняю свои обязанности. Здоровые негры будут лучше работать.

— Вы аболиционист?

Он пожал плечами.

— Нет. Не знаю. Я не задумывался об этом. В нашей се-

мье никогда не держали рабов. К тому же в Новом Орлеане, откуда я родом, много свободных цветных.

— Расскажите о себе, — попросила Сара.

Джейка сбивала с толку и вместе с тем подкупала ее непривычно открытая, напроць лишенная кокетства манера держаться. Он заговорил, сперва смущенно, потом все с большим увлечением и жаром. Рассказал об отце, о матери, о старшем брате. О том, как жил и учился в Нью-Йорке, городе просвещения и новшеств. Сара не имела понятия ни о газовом освещении, ни о многоэтажных домах, ни о конных омнибусах, ни об электрическом телеграфе и слушала собеседника с большим интересом.

— Как вы относитесь к янки? — спросила она. — Папа говорит, у нас может быть с ними война.

— Не знаю, — сказал Джейк, — мне трудно судить об этом.

На самом деле он мог бы сказать, что янки куда более образованны и практичны. Южный джентльмен большую часть времени проводил в седле и редко открывал книгу. Даже знаменитый хлопкоочистительный станок изобрел северянин. Что касается гражданской войны, об этом твердили не первый год. Джейк не знал, можно ли беседовать на такие темы с девушкой, тем более с леди, дочерью его нанимателя, поэтому предпочел уклониться от разговора.

— Возможно, вы недовольны тем, что вас поселили вместе с надсмотрщиком? Это было решение моего брата, и, ес-

ли хотите, я поговорю с ним, — сказала Сара.

Несмотря на искушение, в Джейке разыграла гордость бедняка и чувство солидарности с Бартом, который приютил его, хотя ему и пришлось потесниться.

— Как врачу, мне удобнее жить рядом с пациентами, и я ничего не имею против того, чтобы делить жилье с надсмотрщиком.

— Он недалеко ушел от негров, которыми командует. Он же метис и, кажется, даже не знает грамоты. Не понимаю, зачем отец его нанял?

— По-моему, он находится на своем месте. Что касается грамоты, не у всех людей в нашей стране есть возможность учиться.

Вскоре Сара сказала, что ей пора возвращаться. Хотя Джейк не решился ее проводить или сказать на прощание что-то особенное, все же он вернулся домой в приподнятом настроении. Когда он открыл дверь, мимо него прошагнула девушка-негритянка. Ничего не заподозрив, он шагнул внутрь. Единственное окошко было зашторено, но сквозь прорехи в ветхих занавесках проникали игривые лучики солнца. Барт лежал на кровати под тонким покрывалом и глядел в потолок. На его лице было написано удовлетворение. Одежда валялась на полу. Было несложно догадаться о том, что тут только что происходило.

— Чего уставился?

— Я не знал, что ты спишь с рабынями.

— Теперь знаешь.

— А хозяйева?

— Я им не докладывал, — заявил Барт и добавил: — Послушай, ты кто, проповедник? Я поступаю честно: не трогаю тех, кто считает себя замужними, и не посягаю на девственниц. А остальным даже нравится. Чернокожие не похожи на белых: они не жеманятся, их тела говорят на том языке, каким их наделила природа.

— А если кто-нибудь из них забеременеет?

Барт рассмеялся.

— Знаешь, что такое негритянская семья? Это женщина и ее дети, об отцах которых никто не спрашивает.

Джейк молчал.

— Думаешь, черномазые станут тебя уважать? — небрежно произнес надсмотрщик. — Кто ты для них? И вообще, давай я не буду лезть в твои дела, а ты совать нос в мои!

Джейк вздохнул.

— Ладно.

Прошло немного времени, и он убедился, что его сосед неправ. Джейк был начисто лишен того, что носило название white supremacy[1], и рабы потянулись к нему. Не проходило вечера, чтобы в его дверь не постучала черная рука. Иногда негры приходили за помощью, а порой звали его повеселиться на чьей-то свадьбе или просто послушать игру на банжо. Он лечил укусы насекомых, врачевал нарывы, принимал трудные роды у молоденьких негритянок, которым бы-

ло в пору играть в куклы. По округе шастали люди, продававшие неграм дрянное виски. Случалось, кто-то из «погонщиков» напивался и не мог выйти на работу: Джейк ни разу не выдал ни одного из них. Когда кто-то из рабов рискнул сказать ему «сэр, вы хороший человек», Джейк ответил: «Я просто врач».

Зачастую рядом, словно невзначай, оказывалась Лила. Эта девушка была куда сообразительнее других рабынь, она живо интересовалась его работой, назначением медицинских инструментов и не раз просила у Джейка позволения помочь, особенно когда он осматривал или лечил детей. Джейк любовался ее выразительным лицом и грациозным телом, которое, как сказал Барт, «знало язык природы», продолжая недоумевать: что такая красивая и явно неглупая девушка делает на хлопковой плантации? Она должна работать в усадьбе и иметь те привилегии, какими пользовались домашние рабы. Джейк познакомился с Юджином О'Келли, и тот показался ему жестокосердным и надменным. Что касается Сары, она оставалась для него воплощением тех неясных надежд, в которых он пока что не был готов признаться даже самому себе.

[1] Превосходство белых (англ.)

Глава шестая

Ужасы пути остались позади, и Айрин было трудно представить, каким образом она сумела их пережить. Увидев, сколько трупов вынесли из трюма, она поняла, почему корабли, на которых эмигранты пересекают океан, называют плавучими гробами. Корабль бросил якорь севернее форта Касл-Гарден, и несколько дней ирландцы оставались на карантине. Потом прибыл инспектор, проверил список пассажиров и отправил судно в порт. Дальше их доставили в форт на пароме, где таможенники проверили багаж (если так можно было назвать жалкие пожитки эмигрантов), а санитарные врачи провели беглый осмотр. После чего выжившие и относительно здоровые, наконец, очутились в городе.

Стоя на причале, Айрин смотрела на водную гладь, где покачивались изящные яхты, развернувшие серебристые крылья тонких парусов, и ей не верилось, что она ощущает под ногами твердую землю. Джон и Салли совещались, куда пойти, попутно отмахиваясь от назойливых носильщиков. Их уже предупредили, что те хватают мешки приезжих, волокут до ближайшего дома, а затем заламывают непомерную плату. Несколько раз к ним подходили мужчины и женщины и предлагали «удобное и недорогое жилье». В конце концов Джону удалось столкнуться с одной из хозяек. О'Лири согласились, чтобы Айрин временно поселилась с ними за

треть квартирной платы. Джон подхватил узлы, и трое взрослых (Томаса Салли несла на руках) побрели по улице. Романтика развеялась — на первый план, как всегда, выступила суть жизни: забота о пропитании и жилье. Улицы портового квартала были завалены тюками хлопка, бочками с солониной, мешками с рисом, сложенными высокими штабелями. Впервые увидев человека с черным лицом, Айрин испуганно шарахнулась в сторону, но потом такие люди стали попадаться все чаще.

— В Нью-Йорке каждый пятый житель — негр, — пояснила хозяйка.

— Проклятые черномазые, отбирают работу у нас, ирландцев, — проворчал Джон.

— Почему?

— Негры стоят дорого, поэтому их не используют на дешевых работах, как нас, тех, кого можно загонять до смерти и при этом платить гроши!

Айрин удивилась тому, как быстро Джон перенял местные взгляды. Хозяйка привела их в огромный барак, разделенный на крохотные клетушки, двери которых выходили на общую галерею. Пол в помещении был грязный, в нем зияли дыры, в которых наверняка водились крысы. Хозяйка всячески расхваливала условия, заметив, что жилье наверху это не то, что подвал, у самых окон которого сваливаются отбросы. Айрин устало опустилась на железную кровать (кроме которой в помещении был сундук, два стула и стол), а Салли

спросила хозяйку:

— Как тут с работой?

— Наверняка что-нибудь подыщете. Здесь есть швейные мастерские, а мужчин нанимают на строительство железной дороги.

Когда хозяйка ушла, Салли повернулась к Айрин и сказала:

— Ты будешь спать на полу.

— Почему?

— Потому что вносишь только треть платы.

— Но я же одна!

— Ну так и поселись одна! И плати за комнату полностью, тем более ты умеешь зарабатывать деньги лучше нас! А пока ты живешь с нами, командовать будем мы.

Айрин поежилась. Стоило ране зажить, как чье-то неосторожное слово сдирало струп, и она ощущала жгучую боль. Если бы только сердце было похоже на зеркало и события отражались бы в нем, не оставляя никакой памяти!

— Я уйду отсюда, как только узнаю, как добраться до дяди!

Салли громко хмыкнула, демонстрируя свое презрение. Однако Айрин не собиралась отказываться от своих планов и изгонять из сердца надежду на чудо. В последующие дни она успела исследовать берега Ист-Ривер и вдоволь побродить по Манхэттену. Но на работу ее нигде не брали. Джону и Салли тоже не везло. Как и другие ирландцы, они то

и дело слышали: «Вы, тупые «Пэджи», знаете только картофельное поле да лопату». Потратив последние деньги на газету, Айрин увидела, что та пестрит объявлениями вроде «Семье требуется горничная, молодая женщина-протестантка, француженка, немка, англичанка, но не католичка и не ирландка». Поняв, что им опять придется голодать, она впаала в отчаяние. Нищета вновь обрела реальность и взяла их в свои костлявые тиски. Однако вскоре Салли вернулась домой необычайно оживленная и сказала:

— Кажется, я знаю, чем мы займемся. Мне подсказала соседка.

На следующий день Джон, Салли и Айрин отправились «на работу». Они собирали отбросы на помойках и свалках; в основном это были кости и тряпки. Сваливали добычу во дворе и сортировали, после чего стирали тряпки и вываривали кости, распространявшие ужасную вонь, которой пропитывались одежда и волосы. Тряпье и кости продавались за гроши, но все-таки это был заработок. Иногда попадались обрывки пусть и несвежего, но еще пригодного в пищу мяса: в эти «счастливые» дни у них была похлебка.

Иногда, утомившись, Айрин усаживалась среди горы отбросов, вдыхала отравленный зловонием воздух и принималась мечтать. Мечтала она и по вечерам, глядя на пламенеющее красками небо и бесчисленные огни фонарей, танцевавшие над темной землей, огни другого, свободного и счастливого мира. Хотя богатый дядя и его поместье все больше от-

далялись, превращаясь в призрачное видение, витающее где-то на задворках сознания, она упорно откладывала деньги, которые, никому не доверяя, прятала на груди.

Айрин не знала, сколько еще усилий и изворотливости ей придется проявить, чтобы добиться своей цели, когда в один прекрасный день, боязливо спросив на пристани о цене билета, она вдруг поняла, что сможет сесть на корабль, который доставит ее в Чарльстон, откуда было рукой подать до Темры. На следующее утро Айрин без особой сердечности простилась с О'Лири и отправилась в порт. Она давно не следила за временем, потому удивилась бы, если бы узнала, что с того памятного момента, как она ступила на землю Америки, прошел далеко не один месяц.

Айрин лежала в густой траве лицом к небу. Никаких людей, никаких всепроникающих, разрушительных, вгрызавшихся в уши звуков, никакой вони. Запах зелени, тишина, темнота, с множеством серебряных точек, дерзко проткнувших небеса. Она ни разу в жизни не ночевала под открытым небом в незнакомом месте, но не испытывала страха. Айрин почти достигла цели: ей оставалось дождаться утра и пройти несколько миль. Прежде она пребывала в круговороте, а сейчас словно застыла в мягкой траве, озаренная нежным сиянием луны и овеваемая прохладным ночным ветром. Ей чудилось, будто она улавливает дыхание земли и ее грудь тихо вздымается в такт.

Она не думала, что заснет, но заснула и пробудилась, когда солнце выплыло из-за горизонта и окружающие предметы обрели привычную форму и цвет. Айрин отряхнула одежду и выбралась на дорогу, жалея о том, что у нее нет возможности привести себя в порядок. Ее платье было похоже на тряпку, голова и тело нестерпимо чесались. Она вспомнила, как на пароходе от нее шарахались люди, и не на шутку встревожилась. Что скажет Уильям О'Келли, увидев такую замарашку? Айрин стиснула зубы. Неважно, что он скажет. Не для того она приложила столько усилий, чтобы уйти ни с чем!

Послышался легкий звук, и Айрин обернулась. Она решила, что увидит зверя, но это был мужчина. Он выскочил на дорогу из густого кустарника и на мгновение остановился как вкопанный. У девушки замерло сердце. Ей показалось, что сейчас должно произойти что-то важное. Мужчина, вернее, юноша выглядел запыхавшимся, загнанным, будто бежал всю ночь. Айрин поразила кошачья гибкость его движений, а еще — цвет кожи самого красивого смуглого оттенка, какой только можно вообразить. Его темные глаза пылали, как угли, а волосы не были похожи на густое руно, как у негров, они казались мягкими и вились крупными волнами. Четко очерченные губы юноши шевельнулись, словно он хотел что-то сказать, но потом он стремглав бросился через дорогу и скрылся в зарослях. Айрин перевела дыхание и продолжила путь. Примерно через четверть часа она увиде-

ла двух верховых, быстро скачущих по дороге ей навстречу. Она замедлила шаг и вперилась в их лица, намереваясь спросить про Темру. Они тоже остановились. Один из мужчин наклонился и произнес:

— Доброе утро, мисс. Вы не видели на дороге мулата? — Заметив непонимающий взгляд Айрин, он пояснил: — Молодого мужчину негритянского происхождения, но с довольно светлой кожей. Этот наглец сбегает от всех хозяев; не проходит недели, чтобы его не пришлось ловить!

— Нет, я никого не видела.

— Мне кажется, вы чем-то напуганы. Кстати, кто вы, откуда и куда идете?

— Я приехала из Ирландии, иду в имение Темра.

— Что вам там надо?

— Я ищу Уильяма О'Келли, это мой дядя.

Мужчины недоверчиво переглянулись.

— О'Келли — ирландская фамилия, — вполголоса произнес один из них. — Кто знает, может, они и впрямь родственники?

Айрин покорно ждала, понимая, что с представителями власти лучше не спорить. Она двинулась дальше лишь после того, как они сказали:

— Не смеем вас задерживать. Вы на правильном пути, мисс. Около часа ходу, и вы окажетесь в Темре.

Айрин продолжила путь. Она шла, улыбаясь, сама не зная чему. Как и в Ирландии, здесь ничто не мешало ей слышать

и видеть природу. Небеса были светлы и огромны, по обеим сторонам дороги простирались обширные хлопковые поля. А потом она вступила в пределы усадьбы.

Айрин подошла к подъездной аллее и смотрела на полу-скрытый деревьями особняк с чувством благоговения и восторга. В судьбах обитателей этого дома могли случаться свои падения и взлеты, обретения и потери, и все же ему было свойственно главное качество: нерушимость. Менялись времена, происходили какие-то события, рождались и умирали люди — гладкость белых колонн, совершенство пропорций, величавость крыши, красота зеленых лужаек оставались неизменными.

Юная ирландка слышала людские голоса, до нее долетал звон посуды и божественный запах еды. Возле крыльца носились негритята, конюх вел в поводу расседланных лошадей, молодая рабыня в черном платье, белоснежном переднике и накрахмаленном тюрбане несла в дом корзину с фруктами. Дом манил своей неповторимой, благородной красотой, словно райские врата. В эти минуты Айрин не думала о том, что, возможно, она грешница, которой запрещен вход в обитель Господа Бога.

Глава седьмая

Сара О'Келли сидела в своей комнате и читала книгу, когда вошла Касси и сообщила, что какая-то невероятно грязная белая девушка, похоже, ирландка, препирается в холле с Арчи, чернокожим лакеем. По непонятным причинам на Сару повеяло тревожным ветром нежелательных перемен. Она громко захлопнула книгу и нервно произнесла:

— Кто она такая, что ей нужно?

— Эта мисс, — не удержавшись, Касси скроила гримаску, — утверждает, что она ваша родственница.

У Сары, всегда такой сдержанной и невозмутимой, задрожали руки.

— Говоришь, она выглядит как нищенка?

— Хуже всякой белой рвани!

Негритянка замолчала и сделала шаг назад, желая полюбоваться произведенным эффектом. Ее ожидания оправдались: Сара вскочила с кресла и сломя голову бросилась на лестничную площадку. Услыхав звук шагов, Айрин запрокинула голову и увидела твердо сжатые губы, холодный взгляд и напряженную позу незнакомой девушки, которая была немногим старше ее, но при этом держалась как хозяйка дома.

— Кто вы? Что вам угодно? Ищете работу? Мы не нанимаем белых слуг! — Голос Сары прозвучал враждебно и рез-

ко.

— Я бы хотела поговорить с мистером Уильямом О'Келли.

— Зачем он вам?

— Он мой дядя.

— Что?!

Губы незнакомки скривились в жалкой улыбке.

— У меня... есть доказательства. Чтобы встретиться с дядей, мне пришлось пересечь океан.

Сара принялась спускаться вниз. Она сразу поняла, что на кону стоят спокойствие, а возможно, и честь их семьи, их дома. Самозванка выглядела отвратительно, как выглядела бы крыса, проникшая в парадные покои. В свою очередь Айрин смотрела на гладко причесанные светлые волосы Сары, простое платье желтого ситца, складки которого мягко лежали поверх скромного кринолина и которое казалось нищей ирландке таким же нарядным, как если б оно было сшито из сверкающей парчи. Чувствуя, что этот миг важнее целой исторической эпохи, Сара твердо произнесла:

— Меня не интересуют ваши доказательства. Уходите отсюда.

Страдальческий взгляд запавших, тускло-зеленых глаз девушки беспомощно заметался.

— Но мистер О'Келли...

— Он вас не примет.

Похоже, незнакомка начала сдаваться. Она невольно по-

пятилась, ее изможденное лицо посерело, а руки повисли вдоль тела. Сара опустила взгляд ниже и увидела ее ступни, сбитые в кровь и такие заскорузлые, словно они никогда не знали обуви. (Изношенные туфли Айрин попросту развалились по дороге в поместье, и их пришлось выбросить). Хозяйка Темры сморщила нос. От самозванки шла резкая вонь, так не разило от самой неопрятной негритянки с плантации!

— Уходите, — повторила Сара, добивая врага, и в этот миг раздался спокойный, глубокий голос ее отца:

— Что происходит? Кто эта девушка?

Айрин с бессознательной надеждой подалась вперед, протянула руку, в которой была зажата смятая бумажка, и поспешно проговорила:

— Послушайте, сэр, я разыскиваю Уильяма О'Келли, младшего брата моего отца, Брайана О'Келли. Мой дядя родился в Ирландии, а после покинул ее вместе с матерью.

— Ваш отец с вами? — спросил Уильям.

— Нет, он умер перед моим отъездом, а еще раньше — мама и младшие братья. Я осталась совсем одна.

Айрин торопливо рассказала о газетной заметке, о священнике, о последнем разговоре с Брайаном. А еще — о голоде. Она не смогла передать свои чувства словами, но ее глаза лихорадочно заблестели, а в руках появилась нервная дрожь.

— У меня в самом деле был брат: мать рассказала мне об этом перед смертью. Прежде я не знал о том, что меня вос-

питал неродной отец. Вы правильно сделали, что приехали. Как вас зовут?

— Айрин.

Уильям коротко поклонился.

— Добро пожаловать в Темру!

Сара вцепилась руками в лестничные перила. Она судорожно соображала, что сказать, как остановить это безумие, когда раздался голос Юджина:

— Что происходит?

Сара бросилась к брату и торопливо заговорила. Едва уловив суть, он отстранил ее рукой.

— погоди, сестра.

Из всех О'Келли один только Юджин унаследовал типичную ирландскую внешность: у него были медно-рыжие волосы и не загорающая кожа, хотя, как все сыновья плантаторов, он проводил много времени на открытом воздухе. Покрытое веснушками лицо молодого человека могло бы показаться заурядным, если бы не пронзительно-яркие карие глаза, унаследованным им от матери.

— Вы пришли за денежной помощью? — обратился он к Айрин. — Вы ее получите. Сколько вам надо, чтобы вы ушли?

Она растерялась.

— Не знаю. Я не думала об этом. Я надеялась найти родню и дом.

Сару затрясло. Эта грязная девка посягает на Темру, она

желает сидеть за одним столом с ними, пользоваться всем тем, что принадлежит их семье! Охваченная яростью, она отчаянно выпалила:

— Нет! Никогда!

— Присядьте и подождите немного, мисс, — примирительно произнес Уильям О'Келли, — я должен поговорить со своими детьми.

Он прошел в кабинет привычным широким шагом. Сын и дочь проследовали за ним.

— Что вы делаете, отец? — с ходу произнес Юджин. — С Сарой случилась истерика!

— Сара переживет. А я нет, если выставлю родную племянницу за ворота.

— Откуда она взялась? Никто из нас никогда не слышал о том, что у вас был брат!

— Повторяю: я тоже долго не знал об этом. О том, что моя мать оставила семью ради другого мужчины, который увез ее в Америку и заменил мне отца. О том, что ей пришлось бросить старшего сына, по которому она тосковала до самой смерти. Вам не считал нужным говорить, потому что не думал, что мы с Брайаном когда-нибудь свидимся и что я о нем услышу. Я рад, что наконец узнал о своем брате, хотя его судьба сложилась совсем не так, как моя, — сказал Уильям и окинул взглядом притихших детей. — Вы выросли в достатке, у вас есть все, а главное — земля, за клочок которой настоящий ирландец готов отдать свою жизнь. Я люблю

Америку, и я не помню своей родины, но я не отрекся от нее, как не отрекся от своей веры.

— Она очень грязная, — прошептала дочь, — возможно, у нее есть вши!

— Сара, — голос отца звучал устало и, как ей почудилось, разочарованно, — я знаю, ты добрая девочка. Прикажи слугам, чтобы они приготовили для Айрин комнату, и, пожалуйста, дай ей что-нибудь из своей одежды.

— Нет! — взвилась Сара. — Я скажу Касси, пусть уступит одно из своих платьев.

— Белая девушка может отдать свою одежду негритянке, но никак не наоборот, так же, как ни одна негритянка не посмеет без разрешения прикоснуться к одежде белого. Не мне учить тебя манерам, дочь, — на сей раз Уильям говорил властно и твердо, как истинный хозяин дома.

Касси, подслушивавшая за дверью, ухмыльнулась, ибо давным-давно тайком перемеряла все наряды своей хозяйки.

— А если она больна? Кто знает, чем она могла заразиться на пароходе! — Сара привела последний аргумент.

— Надо пригласить доктора Китинга — пусть он ее осмотрит.

— Этот доктор лечит наших рабов, — не без ехидства заметил Юджин.

На сей раз Уильям был готов сделать уступку обстоятельствам:

— Неважно. Главное, чтобы соседи не узнали об этой де-

вушке раньше времени. До тех пор, пока мы не будем готовы представить ее нашему обществу.

Завершив свою речь, Уильям О'Келли покинул кабинет. Его детям стало ясно, что он не изменит свое решение.

— Полагаю, такие времена никогда не наступят, — сказала Сара Юджину, когда они остались одни.

— Какая муха его укусила? — произнес ее брат и предположил: — Возможно, от этой девчонки не будет вреда?

Сара сжала губы. Взгляд ее голубых глаз был непроницаем, как гранитная стена.

— Поверь на слово, Юджин: она навлечет на нас такие беды и такой позор, о каких мы не смели и думать!

Касси сообщила госпоже, что девушку отвели в одно из помещений, предназначенных для гостей, а также послали негритенка за доктором Джейкобом. Когда Сара вошла в комнату, Айрин сидела, уткнув лицо в колени. Услышав шаги, она подняла голову и убрала с глаз нечесанные грязные волосы. Совсем недавно перед ней лежало будущее, то светлое и хорошее, чего она ждала от жизни и ради чего жила последние месяцы. Теперь, когда оно, наконец, превратилось в настоящее, Айрин не испытывала радости, не испытывала, потому что в Темре ей не были рады. Она проиграла, ибо отныне не знала, о чем мечтать, и вместе с тем ей не хотелось вспоминать о прошлом, потому что все, что в нем случилось и что было выстрадано, оказалось напрасным. В руках Сара держала платье, выгоревшее и вылинявшее, но чистое. Не

удержавшись, она швырнула его в Айрин.

— Возьми! Как у тебя хватило наглости явиться сюда такой грязной?!

— Простите, — подавленно произнесла та, — я так спешила, что у меня не было времени привести себя в порядок.

— Давно ты приехала в Америку?

— Несколько месяцев назад. Чтобы добраться до Темры, мне долго пришлось копить деньги на билет.

— И чем ты занималась?

Сперва Айрин решила солгать, но потом передумала:

— Собирала кости и тряпки на свалке.

— Зачем?!

— На продажу.

На лице Сары было написано отвращение. Она не знала, о чем говорить с девочкой, которая жила на помойке. Она повернулась к дверям, намереваясь уйти, и столкнулась с Джейком.

— Доброго дня, мисс Сара. Что-то случилось?

Его ясный, сочувственный взгляд и спокойный, уверенный голос подействовали на нее как глоток свежего воздуха.

— Пожалуйста, осмотрите эту девушку. Возможно, она больна чем-то заразным.

Саре почудилось, будто Джейк посмотрел на нее с недоумением, а возможно, и с осуждением. Она отступила в сторону, пропуская его в комнату, и тут же закрыла дверь. Они с Юджином прождали не дольше четверти часа, после чего

Джейк сообщил:

— Девушка здорова. Правда, она сильно истощена и ослаблена, но это поправимо. Ее надо хорошо накормить и, простите, что я это говорю, позволить ей как следует вымыться. Я видел и лечил многих ирландцев. Они точно такие же люди, как мы, им просто не повезло.

— Нам известны ваши взгляды, мистер Китинг, — нетерпеливо произнес Юджин, — для вас и негры «точно такие же люди».

Джейк возвращался обратно с тяжелым чувством. Душа этой девушки выла от отчаяния и одиночества, но этот звук не долетал до ушей Сары. Что могло лишить ее способности к состраданию? Жизнь в бесконечно длящемся настоящем, где ничто не меняется, где все настолько устойчиво, что людей не посещает даже тень мысли о возможных горестях?

На площадке, где рабы собирались по утрам перед началом работы, Барт гарцевал на породистом хозяйском коне. Его правая и левая рука, Джеф и Пит, держали в поводу оседланных мулов.

— Куда собрался? — спросил Джейк.

— За новыми неграми. Хозяева приказали приобрести партию рабов для полевых работ. Фоер велел покупать по дешевке, но я-то знаю: самый плохой негр — негр, за которого просят мало денег!

В этот миг на горизонте появился несущийся во всю прыть негритенок. Подбежав к Барту, мальчишка сообщил:

— На заднем дворе запрягают коляску — мистер Фоер велел передать, что поедет с вами.

— Только этого не хватало! — вскричал Барт, и на его лице появилось выражение неопишуемой злобы.

— Он сказал, — мальчишка радостно сверкнул зубами, — что вы, сэр, потратите много денег, но при этом купите дрянных негров!

— Тогда я умываю руки! Палец о палец не ударю, чтобы ему помочь. Лучше потрачу силы на прогулку по местным салунам, — заявил надсмотрщик и, завидев отъезжавшую от ворот коляску, заметил: — Ненавижу Фоера! Хромой дьявол! Клянусь, от него стоит ждать больших неприятностей.

Глава восьмая

По утрам на Айрин накатывало чувство горького одиночества. Ее не радовал солнечный свет, рассыпавший по комнате яркие блики, не радовала чистая и мягкая постель, обилие вкусной еды. Она знала, что через несколько минут в комнату войдет чернокожая служанка и с нарочитым стуком поставит на столик поднос с едой, после чего скользнет по лицу незваной гостьи небрежным взглядом, словно мазнет липкой рукой, и с достоинством удалится. Рабыня не считала нужным скрывать свое презрение к Айрин, поскольку знала, что та не станет жаловаться.

В первый же день своего пребывания в Темре Айрин спросила Сару, не нужно ли ей заняться какой-либо работой, и получила холодный ответ:

— На это есть слуги.

Таким образом молодая хозяйка Темры желала подчеркнуть никчемность и ненужность новоявленной родственницы, поскольку сама работала: отдавала распоряжения неграм, следила за порядком; по сути, вела весь дом.

После первой же трапезы в кругу новой «семьи» Айрин наотрез отказалась выходить к общему столу, ибо Юджин нарочно провожал каждое ее движение изумленным взглядом, а черный слуга за его стулом не мог скрыть ухмылки. Мистер Уильям расспрашивал племянницу об отце, о жиз-

ни в Ирландии, однако Айрин видела, что им движет долг, а не подлинный интерес. Он предоставил девушке возможность самостоятельно осваиваться в незнакомом для нее мире, считая, что со временем она привыкнет к заведенным в доме порядкам. При этом подчеркнул, чтобы она не стеснялась обращаться к нему с любыми просьбами, но пока Айрин было нечего сказать дяде. Кто по-настоящему проявил к ней добрые чувства, так это молодой врач, которого пригласили ее осмотреть. На самом деле он даже не прикоснулся к юной ирландке, зато немного поговорил с ней, и она сразу почувствовала, что он понимает и разделяет ее беды.

Днем Айрин обычно бродила по усадьбе, стараясь не попадаться на глаза ни хозяевам, ни слугам. Девушка понимала, что это на руку не только ей самой, но и Саре, которая делала вид, что ее просто не существует. Гуляя вдоль хлопковых полей, на которых трудились рабы, Айрин вспоминала Ирландию: истерзанный волнами берег, пенящееся море, серые выступы скал, яркий зеленый покров, из-за которого остров прозвали изумрудным. И ей становилось жутко от того, что она больше никогда не увидит родины.

Однажды, незаметно для себя, Айрин подошла к негритянскому жилью. Она увидела утопанную площадку, на которой стоял связанный, обнаженный до пояса раб, какой-то человек с жестоким выражением лица и с плеткой в руках, еще один, хорошо одетый, средних лет мужчина с холодным, как у змеи, взглядом и — доктор Китинг. Айрин останови-

лась и укрылась за деревьями, решив послушать, о чем они говорят.

— Этот мулат — самое бесполезное приобретение на свете. Хозяева не знали, что с ним делать, потому и уступили по дешевке. У него даже прозвище Беглец. Он сбегает всегда и отовсюду. Прикажете сутками держать его в карцере или всякий раз платить задержавшему его патрулю двадцать долларов штрафа? — говорил человек с плеткой, при этом в его голосе звучали не только нотки тревоги, но и нескрываемое торжество.

— Для начала дайте ему штук двадцать плетей и заприте без воды и еды на несколько суток. Надо довести его до такого состояния, чтобы он и думать не мог о побеге! — заявил мужчина с рыбьими глазами.

— Это бессмысленно, потому что в таком случае он не сможет работать, — заметил доктор Джейк.

Связанный раб молчал и не двигался. Он стоял спиной к Айрин, и она видела бесчисленные шрамы, тянувшиеся вдоль его мускулистого стройного тела. Чтобы разглядеть лицо мулата, она обошла площадку и, посмотрев на него спереди, вздрогнула. Это был тот самый человек, который встретился ей на дороге, когда она шла к Темре! Странная трагическая отрешенность, трогающая сердце, тень иронии в уголках губ, матовая кожа поразительной гладкости и красоты, а глаза — темные и вместе с тем сверкающие, словно ночная вода, в которую упал лунный свет. Его о чем-то спро-

силы, и он ответил. Айрин не расслышала слов, но уловила тон. Так плененные, но не покоренные воины говорят со своими врагами. Когда человек с плеткой замахнулся, Айрин охватило что-то такое, чего не могло вместить ее сердце. Она бросилась вперед с криком:

— Не делайте этого!

Все уставились на нее. Мужчина с глазами рептилии злобно нахмурился. Рука человека с плеткой замерла на полпути. Во взгляде доктора Джейка появилось выражение облегчения и любопытства.

— Кто это? — вполголоса произнес Фоер.

— Племянница мистера Уильяма, — сказал Джейк и кивнул Айрин.

В свою очередь Барт коротко поклонился ей и вопросительно посмотрел на Фоера.

— Доброго дня, мисс, — нетерпеливо произнес тот. — Вы кого-то ищете?

— Я желаю узнать, почему вы хотите ударить этого человека! — Айрин говорила взволнованно, торопливо, переводя взгляд с одного лица на другое.

Управляющий шагнул вперед. Его кожа плотно обтягивала череп, редкие волосы были тщательно расчесаны и приглажены. А взгляд... Взгляд лишал внутренней опоры, внушал страх.

— Этого мулата, мисс, купили для дома. Однако он не желает работать ни в доме, ни в поле, вдобавок норовит убе-

жать, да к тому же дерзит. За это его нужно наказать.

Айрин сделала глубокий вдох, силясь справиться с собой, отогнать лишние эмоции и мысли.

— А вы спрашивали его, почему он хочет сбежать? — сказала она и, подойдя к связанному юноше, приветливо спросила: — Как вас зовут?

Барт не удержался и хмыкнул, а во взгляде мулата появился проблеск удивления и интереса. Айрин почувствовала, как между ними протянулась невидимая ниточка.

— Это один из рабов вашего дяди, мисс, — с трудом сдерживая презрение, проговорил Фоер. — С ними так не разговаривают.

— Я не понимаю этого! В той стране, откуда я приехала, нет рабов!

Ее удивление, возмущение, боль казались такими искренними, что — пусть на одно мгновение — мужчины невольно прониклись ими.

— Меня зовут Алан, мисс, — ответил мулат, глядя ей в глаза.

В этот миг Джейк взял Айрин под руку и твердо сказал:

— Вам лучше уйти отсюда. Давайте я вас провожу. Заодно поговорим.

— Вы можете что-нибудь сделать? — спросила она, когда они отошли от площадки и побрели по тропинке, протоптанной в густых зарослях.

Джейк вздохнул.

— Не могу.

— Эти люди жестоки!

— Это их работа, за которую им платят деньги. Мулата приказано привести к покорности, и они обязаны это сделать.

— Кто отдал такой приказ?

Джейк смотрел непонимающе.

— Наверное, ваш дядя. А возможно, мистер Юджин. Это их раб.

Айрин остановилась. Ее соломенные волосы были скручены на затылке небрежным узлом, голубое ситцевое платье подошло бы служанке, но никак не племяннице хозяина Темры (Айрин не захотела носить кринолин и корсет, что стало важной темой негритянских кухонных пересудов), но, похоже, она не задумывалась об этом.

— Почему белые люди считают, что они вправе так поступать?

— Не знаю. Чернокожим пришлось разделить участь менее удачливой половины человечества, и мне трудно ответить, кто в этом повинен.

— Они очень несчастны?

Джейк вспомнил спиричуэлы[1], когда музыка и голоса людей сливались в удивительно гармоничный хор, яркое пламя костра, озарявшее контуры темных тел, полные детской радости улыбки и ответил:

— Я так не думаю.

— Что станет с этим мулатом?

— Будет лучше, если кому-то удастся убедить его смириться со своей участью.

— Кто сможет это сделать?

— Я попробую, — пообещал Джейк и спросил: — Простите, мисс, у вас есть горничная?

— Нет. Да и зачем она мне?

— Я бы мог посоветовать вам одну девушку, — промолвил он, оставив без внимания замечание Айрин. — Она умна, скромна и красива, хотя и работает в поле. Главное, в ней нет того притворства, какое свойственно некоторым черным слугам. Мне кажется, вам удалось бы найти общий язык.

Айрин пожала плечами.

— Наверное, мисс Сара не позволит.

— Я с ней поговорю.

Когда они вышли на открытое пространство, Айрин окинула взглядом окрестности и заметила:

— Казалось бы, в этих краях, где ветки свешиваются до земли и плоды сами просятся в руки, где круглый год светит солнце, где жизнь кажется бесконечной, люди должны быть понимающими и добрыми, а на самом деле...

— Они просто привыкли жить так, как им удобно.

Джейка искренне занимала эта девушка. Несколько дней назад она казалась жалким существом, подобным бездомной и голодной собаке, а сейчас в ней проснулась непримиримость. Она думала уже не о себе и не о еде, а о других лю-

дах. Доктору Китингу было известно, что обостренное чувство справедливости свойственно многим обездоленным, и ему было жаль, что в данном случае Сара О'Келли явно проигрывала своей кузине.

Вечерние прогулки и беседы с Сарой вошли в привычку. Джейку нравилось в ней то, что, по-видимому, отпугивало и приводило в замешательство других мужчин: отсутствие кокетства, самостоятельность, прямота суждений. Ни Джейк, ни Сара никогда не договаривались о свидании, просто он знал, где ее искать.

Удушливый летний день подошел к концу, небо на горизонте приобрело цвет розового мрамора, а перистые облака над головой напоминали пуховое одеяло. В воздухе была разлита тишина, в которой было что-то от вечного покоя недостижимых мировых пространств, и острый аромат свежей зелени. Под ногами шуршала трава; Джейк осторожно отводил ветки деревьев, чтобы они не задели лицо Сары. Сегодня на ней было платье из медово-желтой тафты, отделанное несколькими рядами черной бархатной ленты, в руках она держала маленький кружевной зонтик.

— Я хотел предложить горничную для вашей родственницы, мулатку с плантации. У мисс Айрин нет личной служанки?

Сара передернула плечами.

— Я не возьму в дом полевою рабыню. Она наверняка глу-

па, невоспитанна и грязна.

— Вовсе нет. Поговорите с ней и убедитесь сами.

Сара принужденно рассмеялась.

— Вы, как обычно, не думаете ни о ком, кроме негров!

— Такова моя работа, — кротко ответил Джейк.

— Впрочем, вы правы, — продолжила Сара, — для этой неопрятной девчонки как раз подойдет рабыня с плантации. Пришлите ее ко мне.

— За что вы не любите мисс Айрин? — осмелился спросить Джейк.

Сара не помедлила ни секунды.

— Она разрушительница.

— Не сказал бы. Разве она что-то делает?

— Хотя вы умеете лечить людей, вероятно, плохо разбираетесь в их натурах, — заметила Сара. — Она держится тихо, потому что боится, что ее вышвырнут вон. На самом деле она не понимает и не принимает нашего уклада. Ей неведомы правила, она вносит в нашу жизнь хаос. Для нее здесь все чужое, и она чужая для всех. Мы с Юджином с первого дня ломаем голову над тем, как от нее избавиться!

— Едва ли вам удастся это сделать. Ей некуда идти.

— Полагаю, единственный способ отделаться от нее — найти ей мужа.

— Мужа? Какого именно? — в тоне Джейка прозвучало искреннее удивление.

Сара нахмурилась. Когда Юджин, смеясь, предложил вы-

дать неожиданно свалившуюся им на голову кузину «за доктора Китинга», она почувствовала себя уязвленной. К счастью, отец тоже счел шутку сына неудачной.

— Разумеется, не человека нашего круга. Возможно, мелкого фермера, выделив ей достаточное приданое.

— Боюсь, вам все же придется спросить ее мнение.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Разве на ее месте вы согласились бы, чтобы мистер Уильям все решил за вас? — рискнул заметить Джейк.

— Я не могу очутиться на ее месте. Я дочь хозяина Темры, а Айрин самозванка. К тому же мое главное желание — навсегда остаться в имении, — ответила Сара и вдруг спросила: — Вы умеете танцевать?

— Да. Правда, мне нечасто приходилось это делать.

— В Темре несколько лет не давали бал из-за траура по маме, но, возможно, в этом году отец согласится...

Джейк не знал, как истолковать подобное замечание (едва ли он мог очутиться в числе приглашенных!), поэтому промолчал. Прощаясь с ней, он почувствовал, что должен сказать или сделать что-то особенное. Внезапно в голове промелькнула безумная мысль поцеловать Сару. Его остановила не робость, а сознание того, что он сделает это, не повинаясь желанию, а, так сказать, по расчету. Она хотела остаться в Темре — не в этом ли заключалась причина ее интереса к нему? Выйди она за сына любого из соседских плантаторов, ей придется покинуть родную усадьбу. Однако что мог

ей предложить ей он, Джейкоб Китинг? Богатство? Увы! Откровенность? Нет. Любовь? С некоторых пор он не был в этом уверен.

[1] Спиричуэлы — духовные песни афроамериканцев, важнейший жанр их музыкального фольклора.

Глава девятая

Джейк не заметил, как стемнело. Он проскользнул в дом, разделся и лег, не зажигая свет. С кровати Барта не доносилось ни звука. Засыпая, Китинг слышал негромкий, но настойчивый стук. Привыкший к поздним визитам, он молча встал и открыл дверь. На пороге стояла Лила. На мгновение Джейку почудилось, что он видит ее во сне. Сияние луны отражалось в браслетах, украшавших ее обнаженные руки, глаза блестели, будто капли смолы, волосы покрывали плечи темным плащом.

— Доктор Джейк! — она произносила слова с чуть заметной очаровательной неправильностью, и ее сочный голос ласкал слух. — Мулат, которого сегодня бросили в карцер, стонет в бреду. Я случайно проходила мимо и услышала. Наверное, ему надо помочь...

Джейк ощутил угрызения совести. Он обещал Айрин заняться судьбой невольника, а вместо этого весь вечер гулял с Сарой. Он нашарил свечу. Пламя осветило недовольное лицо проснувшегося Барта.

— Дай мне ключи от карцера, — нетерпеливо произнес Джейк.

— Еще чего! Зачем?

— Мне нужно осмотреть мулата.

— Фоер сказал, если он сдохнет, туда ему и дорога, все

равно мы купили его за треть, если не четверть цены, какую дают за хорошего раба.

— Что вы с ним сделали?

— Мы? Для начала спроси, что сделал он. Он назвал Фокера гиеной и плюнул в его сторону! Разумеется, тот велел забить его до полусмерти.

— Почему ты не хочешь дать мне ключ? Сейчас раб все равно не сможет сбежать.

— Почему? — глаза Барта сверкнули. — Потому что ты пытаешься вытащить из меня то, что я давным-давно похоронил так глубоко, что и сам не знаю, где искать. Возьми ключи. И возвращайся скорее, пока никто не заметил.

Ветер колыхал деревья; они словно расплетали и вновь сплетали ветви в порывистом отчаянном объятии. Небо заволокли тучи, и на земле было темно, будто в огромном колодце. Мулатка уверенно шла вперед; казалось, она способна видеть ночью. Внезапно Джейк ощутил досаду и ревность. Он вспомнил о привлекательной внешности молодого невольника и подумал о том, что они с Лилой могли бы стать прекрасной парой. Случайно ли девушка проходила мимо карцера? Возможно, она видела юношу днем, и он ей понравился? Барт говорил, что Лила не отвечает на ухаживания негров с плантации. И немудрено: она была чересчур хороша для любого из полевых работников! Джейк понимал, что у него нет никакой власти ни над телом Лилы, которое влекло его своей красотой, ни над ее загадочной душой, тогда как с

этим мулатом ее может соединять то непостижимое и властное, что зовется зовом крови.

Они с трудом отперли тяжелую дверь постройки. Джейк зажег свечу. Пламя затрепетало, озарив темные углы; по лицу Лилы заскользили оранжевые пятна. Мулат лежал навзничь на земляном полу, мокрым и липким от крови. Когда Джейк осторожно дотронулся до него, он не шевельнулся и не издал ни звука. В неярком свете казалось, будто его кожа покрыта влажными лепестками роз. Кое-где в глубоких бороздах ссадин загустели капли рубиновой крови. Джейк привел Алана в чувство, дал воды, обработал и перевязал раны, думая о том, как по-настоящему помочь этому человеку. Он слышал о существовании «Тайной дороги», организации, помогавшей рабам переселяться на Север или в Канаду. Ею руководили свободные негры и белые из числа аболиционистов. Они снабжали беглых рабов деньгами и адресами «станций», где те могли укрыться. Негры передвигались ночами через покрытые жнивьем поля или пробирались сквозь густые леса. Зачастую им приходилось пересекать вплавь реки к северу от штатов Мексиканского залива до Огайо. При этом не только сами чернокожие, но и сочувствующие им белые рисковали свободой и жизнью.

Когда они вышли наружу и заперли дверь, Джейк обратился к Лиле:

— Мне нужно с тобой поговорить.

Она смотрела с каким-то особым, доверчивым любопыт-

ством, и в душе Джейка родилось то удивительное, неповторимое хрупкое чувство, которое так легко спугнуть и разрушить неправильными словами. Повинуясь внезапному порыву, он положил руки на плечи Лилы, с наслаждением ощутив гладкость и тепло ее кожи, впадинки над ключицами, толчки крови у основания шеи.

— Я говорил с хозяйкой, мисс Сарой. Возможно, она согласится взять тебя в дом, чтобы ты прислуживала их новой родственнице.

Длинные ресницы Лилы затрепетали.

— Я никогда не работала в усадьбе, сэр, я ничего не умею!

— Научишься. Мисс Айрин приехала из-за океана и тоже не знает, как вести себя в новом обществе. Главное, как мне кажется, вы подойдете друг другу.

— Мама будет против, — робко заметила мулатка.

— Если хозяева прикажут, ей ничего не останется, как отпустить тебя. Неужели ты хочешь провести всю жизнь на плантации?

Лила потупилась. Он был прав. Все, что она должна была знать, работая в поле, сколько фунтов хлопка предстоит собрать за день. Час-другой, и все мысли вылетали из головы, душа делалась пустой, и только тело постепенно наливалось тяжестью. Глаза болели от солнца, по спине стекали струйки пота, руки двигались в заданном ритме, тогда как она сама словно погружалась в сон, в сон, в котором не было ничего. А потом дневная работа уступала место такому же тяжелому

и бездумному вечернему покою.

— А как же Алан? — вдруг спросила она.

Джейк почувствовал болезненный укол в сердце, но не подал виду.

— Я займусь его судьбой. Думаю, мне поможет все та же мисс Айрин. — Он убрал руки с плеч Лилы и предложил: — Давай я тебя провожу.

Что-то бродило в его душе, будто темное вино, из глубин его сущности поднималось то, чему он не знал названия. Что он должен был делать с влечением к этой девушке: попытаться избавиться от него или научиться с ним жить?!

Джейк не знал, как случилось, что он свернул с тропинки. Лила с бессознательной доверчивостью последовала за ним. Он прислонил ее к толстому дереву и обнял. Она задрожала, но не сделала попытки вырваться. Атмосфера тяжелой, сводящей с ума чувственности наполнила душу и тело, перечеркнула мысли. Дрожащими пальцами Джейк распустил шнуровку на лифе мулатки и нежно сжал ее грудь, а потом жадно впился губами в ее губы. Он знал, что они неравны, что он не должен с ней играть, но не мог остановиться. В эти мгновения для него не существовало никого и ничего, кроме Лилы, и он жарко ласкал ее, проводя руками по бедрам, целуя груди и плечи. И все же в нем победила порядочность, а быть может, страх перед последствиями: он порывисто отстранился и подчеркнуто холодно произнес:

— Я не должен был этого делать! Нам не стоит оставаться

наедине.

В глазах Лилы стояли слезы. Джейк чувствовал себя паршиво. Он был не лучше Барта: едва не сделал девушку, которая в силу своего положения не могла ему отказать, инструментом для своих удовольствий. Лила плакала, и самое скверное заключалось в том, что он не знал, почему она плачет. Не выдержав, Джейк вновь схватил ее в объятия и крепко прижал к себе.

— Я тебя обидел?!

Она глубоко вздохнула и прильнула к нему всем телом.

— Нет. Просто я люблю вас, а вы говорите, что нам не надо видеться. Вы поэтому и хотите отправить меня в хозяйский дом?

Джейк знал: если как следует прислушаться к себе, можно уловить истину. Сейчас он не нуждался в этом, ибо она лежала на поверхности. Оставалось без страха шагнуть навстречу тому, от чего все равно невозможно укрыться.

— Вовсе нет. Будь моя воля, я бы не расстался с тобой ни на миг! Ты и впрямь меня любишь?!

Вместо ответа она обвила его шею руками и прильнула губами к губам. Потом быстро повернулась и скрылась во тьме. Джейку казалось, будто он парит над землей. Он сходил с ума. Да, это было немыслимо, в том числе потому, что он никогда еще не испытывал такого наслаждения и счастья. А потом он протрезвел. Эта рабыня наверняка стоит не одну сотню долларов. Ему, с его жалованьем пять долларов в

неделю, никогда не удастся ее выкупить. И даже если бы она вдруг стала свободной, белому человеку, женатому на цветной, ни за что не найти ни нормального пристанища, ни хорошей работы. С точки зрения таких людей, как мистер Уильям и его дети, он бы пал ниже некуда. Даже Барт скрывал свои отношения с негритянками. Джейк понимал, что тело Лилы способно подарить ему несравнимое блаженство, но могли ли они стать близки духовно? Он, белый молодой человек, закончивший университет, и неграмотная рабыня с плантации! Поиграть с ней и бросить, как это делали другие? Чего тогда стоила его хваленая забота о темнокожих!

Когда Лила вернулась домой, Нэнси сидела возле очага, помешивая кукурузное варево, позвякивая браслетами и привычно глядя в огонь.

— Где ты была? — спокойно спросила она дочь.

Лила решила, что проще сказать правду:

— Мы с доктором Джейком лечили нового невольника, которого избили и заперли в карцере.

— Что тебе этот мулат? Ты едва его знаешь.

— Мне стало жаль его.

Нэнси покачала головой, и на ее шее блеснули нити ограненных стеклянных бус.

— Не могу сказать, что он мне понравился. Столь же высокомерный, сколь и красивый. Он никогда не согласится, чтобы его считали одним из нас, — заметила она и спросила дочь: — Как ты там оказалась?

— Случайно. Это я позвала доктора Джейка.

— Ты постоянно вьешься возле него. Я предупреждала тебя, но, видать, от судьбы не уйти!

Еще минуту назад Лила была готова сделать признание, но сейчас лихорадка недавнего безумия унялась, знойный туман любовной горячки рассеялся, и она поняла, что пока не готова защищать свое чувство от непонимания и осуждения окружающих. Кто бы посмел сделать то, что совершила она?! Первой призналась в любви к белому мужчине, сама его поцеловала! Это было невысказано, непостижимо, против всяческих правил...

— Мне интересно то, что он делает. Я с детства видела, как лечат заклинаниями и травами, и не знала, что есть другие способы.

Нэнси сделала паузу, потом обреченно произнесла:

— Ты тянешься ему не только поэтому.

— Просто он единственный белый, способный понять таких, как мы.

— Это неправда, — тяжело обронила Нэнси. Лила села на пол, и мать опустила ладонь на ее голову, лаская шелковистые волосы. — Белые не живут сердцем, как мы. Ими всегда владеет расчет. Этот человек наиграется тобой и бросит: ради денег, другой женщины, неведомой цели, к каким так любят стремиться мужчины.

— Быть может, не все истории так печальны, как твоя?

— Моя история не печальна, а обыкновенна. Человек, от

которого я тебя родила, продал нас с тобой, когда женился. У него я была домашней прислугой, но после сделала все, чтобы оказаться среди полевых работников и больше не попадаться на глаза белым мужчинам. А еще я надеялась убедить тебя от тех ошибок, какие совершила сама.

— Чего же ты хочешь для меня?

— Чтобы ты вышла за негритянского юношу и была счастлива.

Лила вскочила на ноги. В ее черных глазах заплясало пламя, ноздри раздулись, а губы раздвинулись в недоброй улыбке.

— Так не бывает! Рабыня может иметь детей, но не семью! Наши браки недолговечны и не признаются законом! Я не желаю спать с разными мужчинами и рожать для хозяев новых рабов!

Мать смотрела на свою всегда такую покладистую, ласковую дочь с удивлением и тревогой. Ее худшие опасения начинали сбываться. Нэнси думала о том, что вступила в пору, сходную с порой заката, когда край неба еще пылает, но солнце уже зашло. Тогда как на жизненном горизонте Лилы алела заря. Самое главное, чтобы эта заря не приобрела зловещий оттенок крови. Нэнси добровольно отказалась от малейших попыток стать счастливой, дабы не быть обманутой еще раз. Но ее дочь не имела понятия о терновых объятиях любви, пока в ее девичьем сердце цвели только розы. Нэнси не знала, как уберечь Лилу от разочарований и горя; как и

всякая мать, она могла только тревожиться и страдать.

— Завтра мне приказано явиться в большой дом, к хозяйке. Возможно, меня возьмут прислуживать новой белой мисс, которая приехала из-за океана, — собравшись с духом, призналась Лила.

Ожидая ответа матери, она ощущала легкое покалывание в сердце. К ее удивлению, лицо Нэнси разгладилось, и она облегченно промолвила:

— Думаю, это к лучшему. Во всяком случае, там ты будешь подальше от доктора Джейка.

Глава десятая

Господский дом представлялся Лиле не больше ни меньше, как целым миром, гигантским муравейником, населенным хозяевами и слугами. Она тщательно вымылась, надела лучшую одежду и повязала голову пестрым тюрбаном. Она хотела выглядеть не как негритянка с плантации, а как хорошо воспитанная рабыня. На пороге Лилу встретил чернокожий лакей и велел подождать. В просторном холле стояла тишина. В высокие окна падали солнечные лучи и упирались в гладкий пол. Столбы колонн напоминали сказочные деревья. На красивой мебели лежал тончайший слой золотистой пыли. Появилась очень черная и очень высокомерная молодая негритянка в форменном платье горничной и, не обращая ни малейшего внимания на Лилу, принялась изящно сметать пыль легкой метелочкой. А потом по лестнице неторопливым царственным шагом спустилась хозяйка. На ней было скромное голубое платье с узкими рукавами, белыми кружевными манжетами и воротничком. Во взгляде притаился жесткий блеск, который не вязался с хрупким сложением и миловидным лицом.

Рабыня склонила голову и низко присела. Сара задала мулатке несколько вопросов. Потом последовал короткий рассказ о порядках в доме: Лиля сопровождала каждую фразу хозяйки кивком головы. После ей показали, куда пройти,

и Лила впервые увидела свою новую госпожу. Это была худенькая девушка с бледным лицом, пронзительно-зелеными глазами, такая же взволнованная и растерянная, как и сама Лила. Мулатка почувствовала, что в глубине души молодой госпожи спрятан некий мучительный секрет, что ее не покидает тревога, тревога человека, гонимого собственной тенью. Лила поклонилась, блеснув глазами и зубами, и новая хозяйка ответила на улыбку.

— Как тебя зовут?

— Лила, мисс.

— А меня Айрин. Расскажи о себе.

Рабыня откровенно поведала о своей короткой, небогатой событиями жизни, не обмолвившись только о Джейке. Айрин тоже рассказала о себе все, кроме того, какой ценой ей достался билет в Америку.

— Подумать только! — прошептала Лила. — Мы никогда не голодали!

— А мы были бы рады работать на плантации, лишь бы нам дали поесть. В Нью-Йорке нас презирали. Самое частое, что я слышала, это слово «грязь»: «Эти ирландцы дорожат своей грязью, как мы золотом».

Лила кивнула.

— А про нас говорят: «Грязь рождает только грязь и ничего больше».

Она тут же испугалась, что сболтнула лишнее, однако Айрин сказала:

— Я рада, что тебя прислали ко мне.

— Я тоже, мисс. Только я мало чего умею и знаю, хотя надеюсь научиться. Я постараюсь быть хорошей служанкой.

— Служанка мне не нужна, у нас никогда не было слуг. Мне нужна... подруга. Мне плохо одной.

Лила задрожала. Глаза, похожие на кофейные зерна, смотрели в глаза цвета мрамора Коннемары. Рабыне казалось, что сбывается некое древнее пророчество, сулящее равенство всех людей независимо от их происхождения и цвета кожи. Судьба давала ей знаки. Сначала в ее жизни появился доктор Джейк, а теперь — эта удивительная белая девушка.

Когда наступило время обеда, Лила осторожной походкой вошла в кухню. Ей сразу понравилось это уютное помещение. Кухня буквально светилась от ярко начищенной медной посуды: по ней будто рассыпались десятки маленьких солнц. На длинных деревянных полках, протянутых вдоль стен, красовались нарядные жестяные коробки и банки. Здесь хозяйничала добродушная кухарка по имени Бесс; при виде новенькой она расплылась в улыбке, и у Лилы потеплело на сердце. На широком деревянном столе, за которым расселись слуги, было полным-полно всякой снеди: большая тарелка свиных рубцов, сладкий картофель, кукурузные лепешки и целые горы зелени.

Лила заняла свободное место, и тут на кухне появилась Касси. Горничная Сары была не в духе, больше того — она пылала гневом. Дело в том, что, когда господа обедали, Юд-

жин небрежно произнес, обращаясь к сестре:

— У нас новая служанка?

— Я взяла ее на пробу для этой Айрин. Хотя едва ли с нее будет толк — это рабыня с плантации, — ответила Сара.

— По крайней мере, она не такая страшная, как твоя Касси! — рассмеялся Юджин.

Увидев Лилу, горничная Сары подошла к столу и тронула мулатку за плечо. Когда та обернулась, Касси размахнулась и черной, словно вымазанной в смоле, рукой влепила Лиле пощечину. Мулатка вскочила, испуганно хлопая глазами. Она беспомощно смотрела на слуг, но те отводили глаза. Как личная служанка хозяйки, Касси пользовалась большой властью среди домашних негров, те побаивались ее острого языка и вездесущего взгляда.

— Это мое место. А ты изволь сидеть вон там, в углу!

Лила молча пересела. Едва она принялась за еду, как Касси приказала:

— Расскажи нам про свою хозяйку. Правда, что она из тех мест, где свиней держат прямо в домах?

— Я знаю только, что мисс Айрин пришлось многое пережить. В ее стране люди сильно голодали, иногда им даже приходилось есть траву.

Лила надеялась вызвать сочувствие к своей госпоже, однако Касси сказала:

— Теперь понятно, почему она такая обжора! Я нарочно накладываю ей столько еды, сколько не съел бы и Арчи! —

Она кивнула на рослого лакея. — И всякий раз тарелки оказываются пустыми.

— А еще она любит стоять возле кухни и смотреть, как выгружают продукты. Провожает жадным взглядом каждый мешок! — с восторгом подхватила кухарка.

— Расскажи лучше что-нибудь про свою хозяйку, Касси, — предложил Арчи, видя, что Лиле неприятно слушать этот разговор.

— Да что про нее говорить! — обронила горничная, прищипывая губы. — Мисс Сара положила глаз на мистера Китинга или, как его зовут полевые негры, доктора Джейка.

— А он? — с любопытством произнесла кухарка.

— Откуда мне знать, что у него в голове! Он ведь живет на плантации, — в голосе Касси звучало презрение. — Надо полагать, он не полный дурак, чтобы упустить такой случай.

— Зачем он нужен мисс Саре? Он всего-навсего белый бедняк!

— Потому и нужен, что небогат. Денег у нее хватает. Зато такой, как мистер Китинг, всегда будет у нее в кулаке. К тому же мисс Сара мечтает остаться в Темре до конца своих дней, а у него нет своего дома.

Лила сидела, не шелохнувшись, и смотрела прямо перед собой. Ее чувства застыли в сердце, слова замерли на губах, а в душе разверзлась пропасть. Судя по всему, Касси хорошо знала, о чем говорит. После обеда Лила вернулась к Айрин,

и они продолжили разговор. Айрин расспросила мулатку об Алане, и та подробно рассказала о том, что ей было известно.

— Я непременно навещу его завтра, — сказала Айрин.

— Мисс, — Лила теребила подол юбки, — я не знаю, можно ли это говорить, но... хозяева никогда не появляются там, где живут полевые работники. Разве что по большим праздникам, или если случилось что-то совсем необычное.

— Ты можешь говорить все, что считаешь нужным, а я буду делать то, что захочу. Если я решила туда пойти, значит, пойду и не стану никого спрашивать.

Мулатка вскинула взор.

— Мисс! Позвольте мне провести эту ночь у мамы? Она за меня волнуется.

— Конечно, иди. Вернешься завтра утром.

Лила радостно кивнула. На самом деле она не столько хотела повидать мать, как надеялась встретиться с Джейком. Однако стоило ей приблизиться к воротам, как ее догнал Арчи.

— Ты куда это собралась, малютка?

— На плантацию, к маме.

— Если тебя взяли в дом, ты переступила черту, все равно что выбралась из-под земли на поверхность. Ты или там, или здесь, обратного хода нет.

— Мне разрешила хозяйка.

— Хозяйка здесь — мисс Сара. И если она узнает...

Лила сложила руки в мольбе.

— Мне очень нужно! Я уйду и вернусь незаметно, никто не увидит.

Сокрушенно покачав головой, Арчи отступил от ворот.

Лиля бежала к полосе деревьев, зеленому поясу, отделявшему усадьбу от плантации, разделявшему белый и черный мир, и отныне отгородившему ее от прошлой жизни. Мулатка не любила хлопок, ибо работа на плантации постепенно убивала ее душу, превращая в бездумную машину. Весной — посев, летом — прореживание, окучивание и бесконечная прополка, а после — сбор урожая, который продолжался до декабря[1]. Каждый день нужно было сдать по двести фунтов; к вечеру ряды хлопчатника сливались перед глазами в сплошное зеленое поле, а белые коробочки покачивались и плыли над ними, подобно крохотным облакам. Пальцы Лили были изранены колючкой; иногда ей несколько часов приходилось стоять по щиколотку в воде, тогда как макушку пекло жаркое солнце. Даже ночью, в своих снах она продолжала собирать хлопок. И все же Лиля была готова работать на плантации всю жизнь, работать как проклятая, лишь бы иметь возможность хотя бы изредка видаться с Джейком.

Она вбежала в лес. В траве веселись стрекозы; оторвавшиеся от ветвей паутинки пускались в неведомое странствие по прозрачному воздуху. Кустарник стоял густой стеной, и за этим барьером двигались две фигуры, два белокожих, светловолосых человека, она и он, мисс Сара и доктор Джейк. Лиля отшатнулась и спряталась за деревом. Что-то раздра-

ло ее изнутри, словно сотни острых игр впились в сердце. Она не слышала разговора Сары и Джейка, зато видела золотистое свечение над их головами, божественный знак высшей касты. Черная грязная земля под ногами и белые пушистые облака над головой — вот с чем можно было сравнить ее, мулатку, рабыню, и эту белую девушку, дочь владельца одной из самых больших плантаций в округе! Лила бросилась прочь. Прибежав в хижину, она односложно и рассеянно отвечала на расспросы матери. Если Нэнси и заметила что-то неладное, то не подала виду. Вскоре Лила простилась, сказав, что ей нельзя отлучаться надолго и она не останется ночевать, и пошла обратно.

Лучи вечернего солнца пронизывали густую листву и озарили фигуру Джейка Китинга, который стоял на тропинке. Он был один, без Сары; увидев мулатку, радостно помахал ей и поспешил навстречу. Лила искала печать предательства на его лице, но не находила. Когда Джейк обнял девушку, ее вмиг накрыло горячей волной. Она падала в бесконечность, звенящую и манящую, словно неведомый рай. Любовь была могучим щитом, под прикрытием которого мир становился таким, каким она мечтала его увидеть, хотя еще минуту назад Лиле чудилось, будто уничтожить мечты не труднее, чем оборвать крылья бабочке. Джейк знал, что рискует: они могли легко попасться на глаза неграм. И тогда он потерял бы уважение и доверие рабов; во всяком случае, их сильной половины. Он не должен был использовать свое положение

и посягать на мулатку, тем более что женщин на плантации было гораздо меньше, чем мужчин, и не всякий мог найти себе пару. И все же он не мог сдержаться. Он упивался ее запахом, упругостью и податливостью тела, ответными движениями губ. С трудом взяв себя в руки, Джейк спросил:

— Как тебя встретили в господском доме? Тебе понравилась мисс Айрин?

— Очень понравилась!

— Я знал, что вы найдете общий язык.

— Я никогда не думала, что смогу так легко разговаривать с белой леди! — подхватила Лила.

Джейк с тревогой подумал о том, что ни Сара, ни Юджин ни за что не признают Айрин своей ровней. Они сознательно оградили ее от общения с местным обществом. К чему это могло привести?

— Жаль только, что мне пришлось расстаться с мамой, — заметила Лила.

— Я только что говорил о ней с мисс Сарой. Сказал, что прежде Нэнси работала у господ. Ей велено прийти в дом. Кухарке нужна помощница.

Так вот зачем они встречались! Лила так обрадовалась, что осмелилась спросить:

— А с вами... с вами мы будем видеться?

Он взял ее руками за плечи и посмотрел в глаза.

— Непременно. Только нам надо быть очень осторожными.

[1] Коробочки на кусте созревают неодновременно, поэтому их сбор производится в 3-4 приема по мере созревания, с августа и до конца года.

Глава одиннадцатая

Медленно разгоравшаяся полоска зари на горизонте напоминала фитиль в огромном фонаре, который поворачивала рука великана. Ночной туман постепенно таял, и природа являла свои краски, такие же яркие, как в первый день сотворения мира. Айрин шагала по росистому травяному ковру, такому же густому, как в родной Ирландии. Таинственная предрассветная тишина навевала мысли о мире духов и иных бесплотных существ. Айрин вспомнила, как когда-то в далеком детстве искала жилища эльфов и, не найдя, пыталась строить их сама вместе с младшими братьями. А потом пришел голод, и они забыли об играх. Сколько чувств, желаний оказались заведомо похороненными, невыраженными, ненужными!

Когда Айрин обратилась к надсмотрщику с просьбой дать ей ключи от карцера, тот довольно резко принялся объяснять, почему не может этого сделать. А потом появился Джейк с дружеской улыбкой на губах, и после недолгих препирательств ключи оказались в ее руках.

Айрин вошла в темное помещение с земляным полом, по которому была разбросана редкая грязная солома. Узник сидел, прислонившись спиной к каменной стене, и смотрел на нее. Оба молчали, и только внезапно всколыхнувшееся волнение незримо передавалось от взгляда к взгляду, от сердца

к сердцу. Его раны начали заживать, и он выглядел намного лучше, чем несколько дней назад, когда Лила привела к нему Джейка. Айрин подошла ближе.

— Здравствуй, Алан.

— Здравствуйте, мисс.

— Меня зовут Айрин.

Его губы чуть дрогнули, и в глазах появилась тень улыбки.

— Не беспокойся, — сказала она, — наш разговор останется между нами. Просто мне хочется знать, почему ты все время убегаешь?

Айрин боялась, что он посмеется над ней, но Алан серьезно произнес:

— Повинуюсь голосу сердца, которое говорит, что избранные или те, кто возомнили себя таковыми, должны нести в мир справедливость, а не способствовать его разрушению.

Айрин не ждала от него подобных слов и так растерялась, что с трудом нашла, что сказать:

— Но ведь твоя история имеет начало!

В его темных глазах появилось далекое задумчивое выражение.

— Вы правы, мисс, всякая история имеет начало.

— Расскажешь?

Его взгляд ударил ее, будто камень, выпущенный из пращи.

— Зачем вам знать мою историю?

Айрин глубоко вздохнула и призналась:

— Я хочу тебе помочь, помочь убежать по-настоящему, чтобы тебя не поймали!

— Это опасно, мисс, да к тому же едва ли возможно. И еще... это против правил.

— Я не знаю здешних правил, я только вижу, что с тобой поступают несправедливо! — с волнением произнесла Айрин.

Алан с интересом смотрел на эту белую девушку. Все, что она говорила и делала, было непривычным и странным, хотя вовсе не казалось таковым ей самой.

— Хорошо, я расскажу о себе, — сказал он, — в благодарность за то, что вам небезразлична моя судьба. Мой отец был плантатором, а мать цветной рабыней. Он полюбил ее еще в юности и с тех пор не желал с ней расставаться. Не секрет, что прежде чем взять в жены ровню, молодые люди южной английской аристократии часто сожительствуют с хорошенькими мулатками и квартеронками, но здесь было нечто другое. Когда отец моего отца стал настаивать на женитьбе сына, тот выбрал хилую белую девушку, дочку соседей, которой предрекали участь старой девы. Она так и не смогла подарить своему мужу наследника, тогда как у моей матери вскоре родился я. Вопреки заведенным порядкам и здравому рассудку, отец душе не чаял во мне, ребенке, рожденном темнокожей женщиной. Его наверняка осуждали, но он был чудаковат и упрям и делал то, что хотел. С раннего детства у

меня была отдельная комната, ко мне была приставлена кормилица, няня, а потом появились учителя. Мой отец считал себя просвещенным человеком и постоянно выписывал новые книги. Я читал, гулял по поместью, ездил верхом. Носил модные бриджи и рубашки с гофрированными манишками. Слуги в имении относились ко мне, как к господину. У негров и мулатов не бывает фамилий, а меня звали Алан Клеменс. Разумеется, не было речи, чтобы меня принимали в обществе, однако это не мешало мне чувствовать себя настоящим сыном своего отца.

Он собирался отправить меня учиться на Север, но не успел: его хватил удар, и он умер. На следующий день после похорон его жена позвала нас с матерью в кабинет и сообщила, что мы... рабы моего отца! Я не поверил, тогда она показала бумаги. Я никогда не задумывался об этом, я не знал, что мы несвободны, однако это было так. Миссис Клеменс поручила своему управляющему продать нас с матерью с торгов. Она сказала, что мой отец исковеркал ей жизнь, что он унижал ее открытым сожительством с рабыней, и теперь она намерена восстановить справедливость. У нее была своя правда, и я не могу ее осуждать... Узнав о том, что нас ждет, моя бедная мать повесилась у себя в комнате, а у меня... не хватило духу. Меня купили за большие деньги, а после без конца перепродавали и всякий раз — дешевле: я старался сохранить свое достоинство, зато падал в цене! Чаще из меня хотели сделать лакея, реже кучера. А один плантатор решил,

что я должен спать со всеми негритянками подряд, потому что от меня получится хорошее потомство! Пришлось ему объяснить, что я не жеребец-производитель. Я отказывался покоряться, потому что не чувствовал себя рабом. И никогда не почувствую. Поэтому единственным выходом для меня должен стать тот, какой выбрала моя мать: смерть.

— Это означает сдаться, — прошептала Айрин.

— Да, к сожалению, это означает сдаться. Однако рано или поздно меня все равно убьют.

— Я могу предложить выход, — боясь потерять решимость, быстро проговорила Айрин. — Я попрошу дядю отдать тебя... мне. Научишь меня ездить верхом и станешь сопровождать на прогулках. А потом мы вместе придумаем, как тебя освободить.

— Вы говорите иначе, чем местные жители, мисс. Откуда вы приехали? — поинтересовался Алан, не отвечая на ее предложение.

— Из Ирландии. Я бежала от голода.

— Голод в Ирландии? Ничего об этом не слышал.

— Так же как я не знала о неграх-рабах. Мы говорили и думали только о картофеле, да о хлебе.

— Теперь мне понятно, почему вы... такая, — медленно проговорил Алан и спросил: — Я могу подумать?

— Конечно. Только не думай слишком долго, пока тебя не забили до смерти или снова не продали!

Алан смотрел на нее снизу вверх. Зеленые глаза Айрин

были полны искренности и надежды. В них таились чувства, смысл и богатство которых не оставляли сомнений и которые не нуждались в словах. Алан не мог отказаться от неожиданного подарка судьбы, хотя гораздо лучше Айрин понимал, к каким непредсказуемым последствиям это может привести.

— Вы правы, мисс. Я согласен.

Айрин не смогла скрыть радости.

— Я поговорю с дядей!

В тот же день она вошла в кабинет Уильяма О'Келли, который сидел за столом, просматривая бумаги. Заслышав шаги, он поднял голову и посмотрел на племянницу. Уильям вспомнил, какой была Айрин, когда он впервые ее увидел: изнуренное тело, отчаявшееся сердце, пустая душа. Теперь отталкивающая худоба почти исчезла, цвет лица изменился, а во взгляде появились настойчивость и упрямство, которые она, впрочем, пыталась скрыть. Только одета она была по-прежнему бедно. Заметив это, Уильям нахмурился.

— Рад видеть тебя, Айрин. Надеюсь, у тебя все хорошо?

— Да.

Уильям улыбнулся.

— Уверен, ты уже забыла о голоде.

Айрин постаралась ответить на улыбку. Она изо всех сил пыталась разорвать внутренние путы, прийти в себя, забыть прошлое, но у нее не всегда получалось. Иногда она просыпалась в холодном поту: ей чудилось, будто она заперта в «плавучем гробу», а порой казалось, что сейчас в дверь вой-

дет тот мужчина, имени которого она не знала и лица которого не запомнила, и, словно дьявол, предъявит свои права на ее душу и тело. Это было похоже на загнанную внутрь болезнь или неоплаченный долг.

И Касси, и Бесс были правы: Айрин не могла оставлять еду на тарелке и любила смотреть, как на кухню вносят продукты, словно ей было важно убедиться, что в этот дом никогда не постучится голод.

— Три фунта кофе, шесть бушелей сладкого картофеля, четыре — кукурузных початков. Восемь цыплят, одна свиная туша; три корзины с тыквой, две с бобами. Пятифунтовый мешок соли, двухгаллоновая банка сорго! — громко перечисляла Бесс, и эти слова звучали для Айрин небесной музыкой.

— Да, — ответила она дяде, — почти забыла.

— Только платьев у тебя маловато. Надо купить несколько новых; я поговорю об этом с Сарой. Надеюсь, она сможет дать тебе совет и помочь с выбором на правах старшей сестры.

Айрин подумала о том, что хотя Уильям и был младше ее отца, его дети родились раньше, чем дети Брайана. Браки в среде ирландских крестьян заключались поздно: обычно молодые люди женились только после смерти родителей, потому что крохотные земельные участки не могли дать средства на содержание новой семьи.

— Я тоже хочу с вами поговорить, — сказала она.

— О чем?

Собравшись с духом, Айрин рассказала про Алана; разумеется, не всю правду, а то, что было необходимо. Не выдержав, выразила недоумение по поводу существования рабства, отношений белых и негров и почувствовала, что в тоне мистера Уильяма появился холодок:

— Если освободить негров, станут неизбежны смешанные браки, и белая раса будет обречена, поскольку через несколько поколений Америку заполонят мулаты. А мулат много хуже, чем негр, потому как обычно наследует худшие черты темнокожих и белых. Для черных рабство — это благо. Под присмотром белых хозяев они стали более нравственными, разумными. Что они делали в своей дикой Африке? Ели друг друга?

— Однако вы приехали из страны, где рабства не было и нет, — рискнула напомнить Айрин.

— Я не помню родины, ибо был слишком мал, — терпеливо произнес Уильям. — Что касается негров, я немало их повидал. Для большинства из них ничего не стоит притвориться, солгать, украсть. Им нельзя верить. Разумеется, среди них встречаются преданные и верные, но это опять-таки результат неустанного труда их хозяев.

— Так вы не отдадите мне Алана?

— Мне докладывали, что этот мулат ненадежен, он постоянно сбегает.

— Он дал мне слово.

— Я уже говорил, что рабам нельзя верить.

— Значит, вы мне отказываете?

Мистер О'Келли вздохнул.

— Нет. Я не могу тебе отказать, потому что это твоя первая просьба. Хотя иметь грума несколько странно для девушки. Кстати, ты не задумывалась о своем будущем? Можем присмотреть для тебя в округе хорошего жениха.

Айрин вздрогнула.

— Я не хочу выходить замуж.

Уильям улыбнулся.

— Напрасно! Я не собираюсь тебя прогонять, просто здесь всем заправляет Сара, а так у тебя появился бы собственный дом, где бы ты чувствовала себя хозяйкой. Хотя если ты еще не готова, никто не станет тебя неволить.

Он взял перо, бумагу и набросал записку.

— Вот, отдашь управляющему. Если мулат посмеет дерзить или попытается убежать, пожалуешься мне или мистеру Фоеру.

Глава двенадцатая

Когда Нэнси впервые появилась на кухне, домашние слуги сразу поняли, что эта женщина не позволит обидеть ни себя, ни свою дочь. Даже Касси прикусила язык. Когда же порог переступил Алан, наступила такая тишина, что было слышно лишь гудение пламени в печи. Касси исподволь бросала на юношу короткие, стремительные взгляды. Ее глаза, губы, все движения вдруг сделались соблазнительными, зовущими; она немедленно уступила новенькому место рядом с собой, потеснив Арчи и поломойку Трейси.

— Так ты и есть тот самый знаменитый Беглец? — кокетливо поинтересовалась Касси, предварительно представив ему всех присутствующих.

— Да, только я больше не бегаю, — ответил Алан и дружески улыбнулся сидящей напротив Лиле, которая смущенно опустила ресницы.

— Какой красавец! — уловив момент, шепнула Трейси соседке.

Никто не знал, хорошо или плохо, если раб умеет пользоваться столовыми приборами не хуже своих хозяев и вообще ведет себя так, будто обедает в столовой с белыми господами, а не на кухне с черными слугами. Поскольку Касси, с успехом подражавшая своей госпоже, решила, что это хорошо, остальные были вынуждены согласиться, и Алана при-

няли в общество домашних слуг.

Вечером Лиле удалось получить разрешение выйти из дома: мулатка отправилась в хижину, чтобы забрать оттуда оставшиеся пожитки. День выдался на редкость душный; Нэнси, мастерица угадывать погоду, предрекала грозу. Пока Лила шла по тропинке, наверху то и дело вспыхивала и гасла алая полоса, а затем раздавался запоздалый раскат грома. Гроза приближалась, и мулатка ускорила шаг: как и многие темнокожие, Лила испытывала суеверный страх перед грозой. Она не успела добраться до леса, как ливень обрушился на землю с такой яростью, что сквозь его завесу ничего нельзя было разглядеть. Одежда Лилы вмиг превратилась в мокрые тряпки, а волосы облепили голову. Ветер яростно трепал верхушки деревьев, дождь шумно стекал по листве, под ногами хлюпала вода.

Лила вздрогнула, увидев фигуру человека, который стоял под огромным дубом и смотрел на нее. Внезапно она ощутила странную радостную легкость, бессмысленность и ненужность терзаний и сомнений. Он ждал ее в дождь, он знал, что она придет! Она бросилась ему навстречу, в его объятия, и мгновенье спустя Джейк ощутил жар ее кожи, упругость груди, мягкость и сладость губ. Лила казалась частью омытой ливнем природы с ее неповторимыми ароматами, первозданной свежестью и чистотой. Она была непознанным миром, землей, которую не отыщешь на карте.

— Ты вся промокла! Куда ты идешь?!

— В хижину.

— Я с тобой!

Они взялись за руки и побежали. Лила неслась длинным стремительным шагом, будто пущенная из тетивы стрела, и Джейк едва поспевал за ней. Дверь в хижину оказалась незапертой, и внутри было пусто. Лила свернула волосы жгутом и выжала, потом принялась выкручивать подол. В хижине был очаг, и она решила развести огонь. Вскоре пламя начало потрескивать, помещение наполнилось приятным теплом, а воздух словно сгустился от пара.

Хижину озаряли вспышки молний, на стенах плясали причудливые тени. В расширенных зрачках мулатки дрожало пламя. Ее лицо, ее губы были очень близко. Она молчала, но Джейку чудилось, будто он читает ее мысли. Он часто слышал о распушенности цветных женщин, однако знал, что этой девушкой движет только любовь, она хочет, чтобы именно он, а не кто-то другой стал ее первым и, возможно, единственным мужчиной.

Джейк не стал выжимать одежду, он с нетерпеливой силой стянул ее, путаясь в мокрой ткани. Его тело блестело от влаги и огня, незагорелая кожа будто светилась изнутри. Он привлек к себе Лилу и почувствовал ее горячее дыхание на своей груди и шее. Он раздел ее; она дрожала — от волнения, а не от холода, потому что в хижине стало почти жарко. Когда на ней не осталось ни лоскутка, у Джейка невольно вырвался вздох восхищения. Ее полные груди с большими темно-ко-

ричневыми сосками напоминали тяжелые плоды на ветках тонкого дерева. Сильные ноги казались удивительно длинными. Джейк любовался ею, как драгоценностью, она была его черной, неподдельной, а потому по-настоящему редкой жемчужиной.

На кровати лежал набитый соломой матрас. Они опустились на него и сплели объятия. Когда он проник в ее тело, она слегка напряглась, но потом покорно обвила его гибкими, как лианы, руками и крепко прижала к себе. На матовой коже Лилы поблескивала влага. Струйки воды стекали по шее и собирались в ямках над ключицами. Джейк видел в ее глазах свое отражение. Она вобрала его в себя и не хотела отпускать, так же как он желал навсегда остаться там, где находился сейчас. У Джейка не было мыслей причинять ей страдания, использовать ее как вещь. Он просто хотел почувствовать себя счастливым хотя бы в эти мгновения, ибо теперь жизнь, как никогда, представлялась ему чересчур короткой и не слишком справедливой.

Дождь стих. Гром отдалялся, был слышен только глухой рокот. Неизменный порядок вещей, обыденность, нерушимые правила казались насмешкой судьбы. Мирозданием правила любовь, и она же рождала доселе немыслимые порывы.

— Я очень рад, что это случилось. А ты?

— Да.

Почувствовав, что Лила говорит искренне, Джейк улыб-

нулся.

— Только не надо, чтоб кто-нибудь знал. Нас наверняка видел кто-то из негров.

— Мы часто вместе приходили к больным. Возможно, полевые работники не подумают, что... — Она запнулась. — А я никому не скажу.

— Даже матери?

— Ей тем более.

— Почему?

— После того, что случилось с нами, когда я была совсем маленькой, мама всегда боялась, что я повторю ее ошибку. Она презирала темнокожих, которые вступали в отношения с белыми. Она не верила в то, что между ними возможна любовь.

— А ты веришь?

Ее глаза казались очень большими и очень черными, а в голосе прозвучал невольный испуг:

— Не знаю.

Он нежно погладил ее волосы.

— Мы не выбираем, кого нам любить, — это просто случается, даже если приводит к большим сложностям. И у белых, и у черных сердца одного цвета: по крайней мере, в этом мы всегда будем равны.

— Я несвободна.

Лила закинула руки за голову и смотрела в закопченный потолок. Она уже не казалась наивной девочкой; Джейк ви-

дел на ее лице выражение, свойственное взрослой и мудрой женщине, и ему было горько осознавать, что, возможно, именно он что-то разрушил в ее прежде неприкосновенной душе. Веру? Во что? Неграм с детства внушали, что они рождены для того, чтобы жить в неволе и принадлежать белому человеку. Он показался бы себе полным негодяем, если бы взялся поддерживать эту иллюзию.

— Я стану копить деньги. Потом пойду к мистеру Уильяму и все объясню. Мы с тобой уедем на Север или в Канаду. Там я наверняка сумею найти работу и тогда женюсь на тебе.

Лила порывисто прижалась к нему, и Джейку казалось, что он всей кожей чувствует, как она счастлива. В эти минуты он искренне верил, что способен пройти этот путь. Единственное, о чем он должен был позаботиться, так это о том, чтобы они не зачали ребенка: пока Лила несвободна, этого нельзя допустить. Джейк не сомневался, что их тайные встречи сулят редкое наслаждение: Лила вспыхивала мгновенно, как сухой тростник, и отдавалась с бессознательной страстью, не думая о пресловутых «приличиях».

К сожалению, пришла пора расставаться. Пока мулатка одевалась, Джейк любовался ею. Казалось, все ее существо было рождено, изваяно, создано для того, чтобы дарить любовь и радость. Они договорились, что он не станет ее провожать, и она поспешила в особняк.

Дождевая вода осыпалась с веток и скатывалась с листьев, так что вскоре Лила опять промокла; впрочем, она надея-

лась, что это поможет ей скрыть свой смятенный вид. Ее страшила встреча с матерью, она опасалась выдать себя. Однако ни о чем не жалела. Это случилось с тем, кого она полюбила, и — Лила была в этом уверена — принесло ей больше удовольствия, чем любой другой женщине.

Когда Джейк вернулся в свое жилище, Барт, сидевший за столом со стаканом виски, заметил:

— На твоем месте я бы не обжимался по углам с мулаткой, а направил усилия на то, чтобы заморочить голову мисс Саре.

— Самый бесполезный совет, какой я когда-либо слышал! — огрызнулся Джейк, полный досады на то, что его раскусили.

— А ты последуй ему. Если тебе удастся окрутить хозяйскую дочь, у тебя будет все, что пожелаешь. В том числе и мулатка.

Глава тринадцатая

На следующее утро воздух дышал такой свежестью и чистотой, что казалось, его можно пить. Листва была еще тяжела от влаги, а в траве сверкали сотни тысяч похожих на бриллианты капель. Над горизонтом клубились тяжелые серые тучи, но небо над головой сияло голубизной. Сара выглянула во двор, как делала каждое утро. Вид из окна всегда радовал ее. Темра жила и процветала, в том числе благодаря ее усилиям. В усадьбе царил безукоризненный порядок. До самого горизонта простирались многие акры земли, на которой зрел хлопок — белое золото, возвращенное ордой черных рабов.

Сейчас было сложно представить, что несколько десятилетий назад вместо возделанных полей здесь были заросли чертополоха и колючего боярышника, в воздухе вились москиты, по земле ползали змеи, а в болотах водились аллигаторы! Сара гордилась своими предками, прибывшими в этот край без гроша в кармане и сумевшими обуздать судьбу.

Однако были и те, кто так ничего и не добился. Белых бедняков в округе не любили; эти люди, не владеющие рабами, были бельмом на глазу местного общества: считалось, что они живут милостью богатых плантаторов и подают плохой пример неграм. По всем признакам Джейкоб Китинг был именно таким человеком, человеком второго сорта, однако

Сара решительно отметала эти мысли. Он был порядочным и умным, и если помочь ему подняться на ноги, он даст фору многим молодым людям из ее окружения. В конце концов, именно так получилось с ее матерью и отцом. Ей нравилась история их любви, нравилось, что романтическое бегство в привело к столь ощутимым практическим результатам.

Сара отошла от окна, чтобы позвать Касси, а когда снова выглянула во двор, то едва не задохнулась от возмущения. Там стояли две верховые лошади из отцовской конюшни; их держал в поводу выскочка-мулат, которого неожиданно выпустили из карцера и взяли в дом. Рядом с ним она увидела Айрин. Сару поразила ее радостная, безмятежная улыбка. Куда собрались эти двое и как они посмели взять лошадей?! Она немедленно отправилась к Юджину. Брат ничего не знал. Он быстро оделся и спустился вниз. Сара видела из окна, как он разговаривал с Айрин и мулатом, но не слышала слов. Вероятно, Юджин велел негру-конюху отвести лошадей обратно в конюшню, а странная пара преспокойно направилась к воротам пешком.

Юджин взбежал по лестнице вверх. Его карие глаза горели, и даже веснушки, казалось, сделались крупнее и ярче.

— Я иду к отцу! — бросил он сестре и направился в кабинет, где по утрам Уильям по обыкновению просматривал свежие издания.

Вопреки расхожему мнению о буйном характере ирландцев, мистер О'Келли старался воспитывать детей рассуди-

тельными и спокойными. Он так привык к ровным семейным отношениям, что несказанно удивился, когда в кабинет ворвался Юджин, ворвался столь стремительно, что со стола слетел экземпляр «Южного литературного вестника». После того как сын сообщил отцу о вещах, которые казались ему крайне возмутительными, Уильям прокашлялся и сказал:

— С момента появления в нашем доме Айрин грустила и не находила себе места. Мне казалось, ее что-то гнетет. Она пережила смерть родителей и еще много такого, о чем мы не имеем ни малейшего представления. Когда она пришла ко мне несколько дней назад, она впервые чего-то хотела, в ее глазах светилась надежда. Я не дарил ей мулата, он по-прежнему принадлежит нам. Я всего лишь предоставил его в распоряжение вашей кузины. Я предупредил, что если ей что-то не понравится в поведении раба, пусть сразу приходит ко мне.

— Они взяли лошадей и хотели ехать на прогулку.

— И что? Для этого я и отдал мулата Айрин. И значит, он ее слушается, а то говорили, что он всем дерзит.

— Потому что без дела шлаться по плантации гораздо лучше, чем собирать хлопок! Уж это понимает любой негр. И где это видано, отец, чтобы темнокожий сопровождал белую женщину? — резко произнес Юджин. — И вообще, я не желаю, чтобы наглый мулат и эта девушка, назвавшаяся твоей племянницей, пользовались нашими лошадьми!

— Хорошо, — ровным тоном произнес Уильям, — я куп-

лю для нее коня; благо они стоят дешевле рабов. Что касается прогулок Айрин с мулатом, это ненадолго. Потом представим его к чему-нибудь в доме. А если начнет проявлять непокорность, тогда продадим. А ты, если нечем заняться, лучше ступай в контору и ознакомься с бумагами.

— На это есть Фоер.

— Не он наследует эту плантацию, сын. И хватит преследовать Айрин. Ей без того досталось от жизни.

— Не понимаю, — нервно проговорил Юджин, видя, что отец остался при своем мнении, — чем и как эта католичка заслужила твою любовь!

Лицо Уильяма потемнело.

— Да, она католичка, как и тысячи ирландцев, у которых не осталось ничего, кроме их веры. Смею напомнить, я тоже католик, хотя тебя и Сару для удобства приобщил к Епископальной церкви, к которой принадлежала ваша мать.

— Сколько времени она будет у нас жить?

— Пока мы не устроим ее судьбу. Она ваша сестра, запомни это. И пришли ко мне Сару. Я намерен с ней поговорить.

Юджин передал беседу с отцом Саре слово в слово, и они вместе обсудили происходящее. С их точки зрения, Айрин была похожа на пригретую бездомную собачонку, которая прежде молча сидела под столом, ожидая, когда ее накормят, а теперь вылезла оттуда и принялась тявкать. Наглости мулата и вовсе нет предела. Плохо, что отец этого не видит. А несколькими минутами позже Уильям сообщил Саре, что на

следующей неделе они едут в Чарльстон. Надо купить Айрин необходимые вещи, потому что он намерен пригласить соседей на ужин и, наконец, представить племянницу местному обществу.

Дул пронзительный ветер. Желтая пыль взлетала над дорогой, клубилась в воздухе, скрипела на зубах, оседала на волосах и одежде. Айрин не обращала на это внимания. Ее интерес всецело сосредоточился на спутнике, который поневоле будил ее воображение и возбуждал любопытство. Когда Юджин запретил им брать лошадей, Алан беспечно произнес:

— Не все ли равно, давайте пройдемся пешком!

Теперь эта прогулка казалась ей самой увлекательной прогулкой на свете: она была готова бродить и час, и два, и три, слушая голос своего спутника, глядя в его бархатистые карие глаза.

— Мисс Айрин, вы ходили в школу?

— Да. Я умею читать и писать, но у меня никогда не было книг. Все, что рассказывал священник, приходилось запоминать. А ты, почему ты любишь читать?

— Потому что книги позволяют верить в то, что жизнь способна меняться к лучшему.

— А что ты читал?

— Разные произведения. Эдгара По, Байрона, Уолта Уитмена. Последнее, что попало мне в руки, «Песнь о Гайава-

те» Лонгфелло и роман Готорна «Алая буква».

— О чем эти книги? — спросила Айрин, и Алан продекламировал:

Вы, в чьем юном, чистом сердце
Сохранилась вера в Бога,
В искру божью в человеке;
Вы, кто помните, что вечно
Человеческое сердце
Знало горести, сомненья
И порывы к светлой правде,
Что в глубоком мраке жизни
Нас ведет и укрепляет
Провидение незримо, —
Вам бесхитростно пою я
Эту песнь о Гайавате! [1]

— Это поэма об индейцах, об их легендах. Я знаю ее наизусть, — сказал Алан и добавил с горькой усмешкой: — Иногда я думаю: зачем отец сделал это со мной? Разве не было бы лучше, если б я оставался таким, как все!

Айрин поняла, что его терзало. Гордыня. Из-за этого он не был счастлив. Она вспомнила, как отец Бакли говорил: «Все, в ком есть гордыня, рано или поздно споткнутся и упадут».

— Ты хотел стать вровень с белыми, но они не принимали тебя в свой круг, и ты не мог с этим смириться, тогда как черные казались тебе чужими?

Алан остановился, словно натолкнувшись на стену.

— Да. Вы правы. Самовлюбленный ангел, возомнивший себя равным Богу. Вернее, богам. При этом я презирал негров и ненавидел ту каплю крови, из-за которой мне было отказано в принадлежности к миру господ. Я был уверен, что, очутившись на Севере, смогу многого добиться и, наконец, избавлюсь от этого проклятия. Получу достойное образование, стану богатым и — не считите за немыслимую дерзость! — женюсь на белой женщине. Тогда я еще не знал, что за одни лишь подобные мысли меня могут повесить.

— Почему отец не дал тебе свободы?

— Не знаю. Мне трудно поверить, что он просто забыл.

— О чем роман «Алая буква?» — спросила Айрин, желая уйти от болезненной темы.

— Пожалуй, не стоит рассказывать. Будет лучше, если вы его прочитаете. Скажу только, что это история о запретной любви.

— Если так, то я обязательно прочитаю! — сказала Айрин и неожиданно покраснела.

— Вы обещали рассказать про Ирландию, — напомнил Алан.

Ирландия была чем-то таким, что принадлежало лично ей; Айрин ревниво оберегала воспоминания, которые никто не мог с ней разделить, но сейчас у нее развязался язык. Она говорила об ощущении пустоты, отсутствия связи с шумным и хлопотливым миром, какое охватывает человека в царстве безмятежных холмов и скал. О крохотных полях, которым

угрожают болота и раздирают злые ветра. О безлюдных равнинах, усыпанных мохнатыми валунами. О загадочной древней вере былых поколений, которую никто не может растолковать. О святом Патрике, признанном «апостолом Ирландии» и связанных с ним легендах.

— Ирландия. Что означает это название?

— Отец Бакли говорил, что в древности наша страна называлась Эриу, что переводится, как «самая прекрасная женщина на свете», — сказала Айрин.

— Теперь понятно, почему ирландки так красивы! — заметил Алан.

Айрин улыбнулась. Ей и в голову не приходило, что любая белая женщина, родившаяся на Юге, упала бы в обморок от подобной дерзости. И только она не находит в речах темнокожего человека ничего предосудительного.

[1] Перевод И. Бунина.

Глава четырнадцатая

Центр Чарльстона, одного из старейших южных городов и крупнейшей резиденции плантаторов, был застроен белыми оштукатуренными домами с колоннами, окруженными лиственными оградами и пышными садами. На окраинах теснились серые домишки с крытой верандой и двускатной крышей, где ютился народ попроще. Расположенный на узком полуострове, в бухте, образованной слиянием двух рек, Чарльстон являлся крупным морским портом и торговым центром плантаций хлопка, табака, риса и индиго.

В городе были разбиты парки, где росли магнолии и пальмы и прогуливались нарядные горожанки. Сара смотрела на них свысока. То были белоручки, не знавшие, что такое настоящая работа и жизнь на плантации. Всю дорогу она сидела прямо и ни разу не повернула голову в сторону Айрин, занимавшей соседнее место. На заднем сидении расположились столь же неподвижные и безмолвные Касси и Лила. Узнав, что Сара берет с собой Касси, Айрин сочла возможным предложить Лиле поехать с ней, и та с радостью согласилась.

Когда коляска торжественно въехала в Чарльстон, мулатка не удержалась и принялась вертеть головой. Никогда не покидавшую плантации Лилу поражало все, начиная от пышной субтропической растительности вплоть до вымо-

ценных крупными камнем дорог. Мистер Уильям проделал путь верхом, по-молодому лихо держась в седле. Он пытался развлечь дочь и племянницу разговором, но Сара отвечала сухо и односложно. Очутившись в центре города, они оставили коляску под присмотром кучера и отправились кто куда: мистер Уильям — повидать старых знакомых, женщины — по магазинам, где продавалась всевозможная одежда и предметы дамского туалета. Отец велел дочери не скупиться и приобрести хорошие вещи для себя и Айрин.

Сара небрежно перебирала и рассматривала наряды, тогда как Айрин не могла опомниться от изумления при виде волн кружев и каскадов шелков. То же было и с Лилой. До недавнего времени мулатка знала только дешевый ситец, холст, да одежду из домотканой шерстяной материи цвета скорлупы грецкого ореха, а ее новая госпожа и вовсе ходила в лохмотьях. Айрин нуждалась в панталонах, нижней юбке, сорочке и корсете, потому сначала они зашли в магазин, торговавший дамским бельем. Сара разговаривала с продавцами деловым, даже резким тоном, не реагируя на любезности. Она придирчиво ощупывала материю, разглядывала швы. Отец дал ей поручение, и она была обязана выполнить его как можно лучше, отрешившись от эмоций и подчинившись долгу.

В результате Айрин получила спускавшиеся до щиколоток панталоны с широкой кружевной оборкой, сорочку и нижнюю юбку из белого льна и корсет из простеганного

хлопчатобумажного атласа. В следующей лавке ее поджидали вышитые по тюлю и органди шали с оборками из кружев или похожей на дождь бахромой. Затем настал черед летней шляпки из золотистой соломки, украшенной цветами и лентами, и перчаток, как позднее сказала слугам Касси, «чтобы скрыть грязь под ногтями».

Сара без труда выбрала для Айрин несколько домашних платьев с гладкими, натянутыми на каркас юбками, а вот с бальным вышла проблема. Их было так много — разных цветов, с низко вырезанными лифами, с крошечными рукавами или вовсе без них, с массой воланов из кружева, атласа и тафты, гирляндами искусственных цветов, петлями из лент, плиссированными оборками и тесьмой!

Пока Сара подыскивала что-нибудь более-менее подходящее, хозяйка магазина разговорилась с Айрин. Выяснилось, что она тоже ирландка, приехавшая в Америку почти двадцать лет назад. Женщина с жадностью расспрашивала Айрин про покинутую родину. Узнав об ужасах голода, опустевших деревнях с домами-призраками и заброшенными кладбищами, хозяйка прониклась сочувствием к покупательнице и показала ей дивное платье из шелка цвета морской волны, отделанное золотым кружевом.

Айрин примерила платье. Оно выгодно оттеняло цвет волос и глаз и сидело как влитое. Вместо бедной изголодавшейся родственницы изумленная Сара внезапно увидела привлекательную юную особу. Она замерла, не зная, что сказать.

Хозяйка принесла и туфли — золотистые бальные туфли с перекрещивающимися на щиколотках лиловыми лентами. Глаза Лилы загорелись от восторга. Не выдержав, она звонко рассмеялась и захлопала в ладоши. Остальные немедленно сбросили оцепенение: лицо Айрин залила краска удовольствия, взор Сары потемнел, а Касси привычно фыркнула.

— Берем? — Айрин смотрела на Сару с такой наивной радостью, что та невольно ощутила себя женщиной намного опытнее и старше, чем была на самом деле.

— Хорошо, — отчеканила она и заплатила.

Платье уложили в коробку, и служанки отнесли покупки в экипаж. Оставалось купить кое-какие мелочи туалета и порадовать подарками рабынь. Лила получила отрез пестрой ткани, хотя больше всего ей хотелось, чтобы для нее сшили черное форменное платье, какое было у Касси, выдали белоснежную наголку и накрахмаленный фартук. Напоследок заглянули в магазин, где торговали мебелью и предметами интерьера, и Айрин с некоторым страхом разглядывала диваны и кресла, обитые бархатом и плюшем, отделанные бахромой и кистями, лампы из цветного стекла и массу драпировок, ярких и пышных, как в восточной сказке.

Вскоре они встретились с мистером Уильямом. Он похвалил дочь и племянницу за то, что они так быстро и удачно справились, и сказал Айрин, что ее ждет сюрприз. Сюрпризом оказалась лошадь, великолепная гнедая лошадь под изящным дамским седлом: самое чудесное животное, какое

Айрин случилось видеть. Мистер Уильям заметил, что племяннице необходимо сшить амазонку, а потом повел девушек в ресторан.

Касси и Лила отправились обедать в харчевню на берегу, где обслуживали цветных. Рабыни попросили жареных цыплят с бататом; в ожидании заказа Касси решила поболтать с Лилой.

— Когда ты работала на плантации, у тебя был ухажер?
— спросила она.

Мулатка покачала головой.

— Я слышала, вы там спите с каждым негром и сами не знаете, от кого рожаете детей!

— Это неправда.

Касси рассмеялась.

— Только не говори, что ты еще девственница!

Лила смутилась и ничего не ответила. После вечера, проведенного в негритянской хижине, она встречалась с Джейком два раза и многое отдала бы за то, чтобы спать в его объятиях каждую ночь. Между тем Касси продолжила:

— Правда, что старший надсмотрщик не пропускает ни одной молодой негритянки?

— Ко мне он ни разу не приставал.

— А красавец Алан? Что ты о нем знаешь? Он общается с тобой как с давней знакомой.

— Когда он был заперт в карцере, я привела к нему доктора. А вскоре его взяли в дом. Мне неизвестна его история.

Тут Лила покрывила душой, потому-то кое-что слышала от Айрин.

— После бала, — сказала Касси, — домашним слугам выставят угощение. Думаю, от стаканчика виски у него развяжется язык, и я узнаю, что у него на уме. Кстати, зачем он понадобился твоей хозяйке?

— Она его пожалела. На плантации его могли забить до смерти.

— «Пожалела»! — передразнила Касси. — Лучше бы пожалела себя. Мисс Сара ее не любит, а я не завидую тем, кто впал к ней в немилость.

Мулатка невольно сжалась в предчувствии грозы. Если мисс Сара, как говорила Касси, и впрямь «положила глаз на мистера Китинга», ей, Лиле, несдобровать.

После обеда господа и слуги встретились возле экипажа. Настало время возвращаться домой. Айрин держала в руках книгу. Завидев книжную лавку, она попросила у дяди позволения посмотреть романы и к немалой радости обнаружила на полках «Алую букву». Она была готова прижать к сердцу изданный в Бостоне томик с необычным названием: ей казалось, что между строк этой книги спрятан ключ к ее будущему.

Через несколько дней после возвращения из Чарльстона Сара отправила негритенка на плантацию с поручением позвать доктора Китинга. Когда Джейк вошел в комнату, на

бледных щеках Сары вспыхнул румянец, ее каштановые ресницы затрепетали, а во взоре голубых глаз промелькнула затаенная обида. Она каждый вечер прогуливалась знакомой тропинкой, но он не появлялся, и Сара ломала голову над тем, что бы это значило. Как ни странно, мысль о том, что Джейку безразличны ее деньги, полный черных слуг дом, поля с величавыми рядами хлопчатника, вызывала у Сары невольное уважение.

— Простите, что отвлекаю вас от дел, — сказала она, поднимаясь из-за стола. — Мне необходимо с вами поговорить.

Джейк неловко поклонился.

— У меня в самом деле много работы. Несколько человек заболели малярией, один раб сломал ногу, а еще я принял трудные роды и пока не уверен, что младенец выживет. Мне кажется, надо освобождать негритянок от работы в поле самое меньшее за три месяца до родов. Они не должны напрягаться и поднимать тяжести. Вы, как женщина, должны это понимать.

Сару задел его деловой тон, вдобавок ей хотелось заметить, что в их среде не принято, чтобы мужчина обсуждал с дамой столь деликатные вещи.

— Если вы считаете, что так надо, тогда — пожалуйста. Я не разбираюсь в этих вопросах. Хотя Юджин считает, что вы готовы идти навстречу любому рабу, которому вздумается отлынивать от работы.

Уловив в ее голосе ледяные нотки, Джейк решил, что хва-

тил через край. Он слишком сильно зависел от этой девушки, от ее мнения и расположения духа.

— Простите, — сказал он, — в следующий раз я обращусь к мистеру Уильяму или мистеру Юджину.

— Я хотела кое-что вам сказать, — напомнила Сара, и Джейк смиренно произнес:

— Я вас слушаю.

Она прошла по комнате, шурша юбкой и распространяя легкий запах новых духов, которые купила в Чарльстоне.

— Через несколько дней мы устраиваем ужин, после которого будут танцы. Я составила список гостей, куда включила и вас.

Джейк замер. Его душу заполнили противоречивые чувства.

— Но я... я не принадлежу к вашему кругу. Что скажут ваши родные и... соседи?

— Неважно, что они скажут. Хозяйка бала я, и вы — мой гость.

Джейк подумал о том, что у него нет подходящей одежды, а еще о... Лиле. Вспомнив ее доверчивую улыбку, он решил, что любовь этой девушки стоит искушения переступить порог другого мира, мира людей, из коих никто и никогда не поверит в то, что между ним и мулаткой возможно нечто большее, чем плотская связь.

— Прошу простить, но я... у меня нет приличной одежды, и я не успею съездить в город, чтобы что-то купить, — сказал

Джейк Саре, думая о том, что дал себе слово откладывать каждый заработанный доллар.

— Это неважно, — сказала она, — приходите в том, что у вас есть. Мы обычные провинциалы, хотя и не любим об этом вспоминать.

Ему ничего не оставалось, как ответить:

— Спасибо, мисс Сара. Я обязательно приду.

Джейк поклонился и поспешил уйти. Он шел в сторону негритянского жилья, а из головы не выходили слова Барта, которые тот произнес, когда узнал о связи Джейка с Лилой:

— Я тебя понимаю. Самая последняя чернокожая в постели всегда лучше любой белой леди. Они отдаются без единой мысли в голове, подчиняясь только желанию, тогда как белая женщина никогда не перестает думать.

Глава пятнадцатая

Айрин ехала в дамском седле вдоль хлопковых и кукурузных полей, простиравшихся насколько хватало глаз и казавшихся золотыми от яркого солнца. Сейчас ей чудилось, что она любит эту землю так, как любила Ирландию, потому что здесь ее жизнь, наконец, наполнилась смыслом. Айрин больше не казалось, что она никто и ничто, а ее существование — сплошная нелепость. Алан вел Донна (такой была кличка подаренного дядей коня) в поводу и разговаривал со своей госпожой:

— В библиотеке вашего дяди есть книги Виктора Гюго?

— Не знаю. Я могу посмотреть.

— Если найдете, дадите мне? Только чтобы мистер Уильям об этом не знал.

— Я могу попросить их для себя.

— Вы говорите, что прочитали «Алую букву». Вам понравилась книга?

— Очень.

Айрин казалось, что она чувствует что-то свое в главной героине романа, Эстер Прин. Уличенная в преступной связи, эта женщина была вынуждена носить на одежде вышитую алыми нитками букву «А» от слова «адюльтер». Но она не раскаялась в содеянном и не отказалась от своей любви.

Айрин оттягивала важный разговор с Аланом, потому что

ей не хотелось с ним расставаться, и все же она понимала, что рано или поздно должна решиться, ибо от этого зависела его судьба. Она вспомнила, как отец Бакли говорил, что жертвенность — основа истинной любви. Айрин хорошо запомнила его слова. Тот, кто по-настоящему любит, довольствуется малым, отдавая любимому все, что имеет.

— Алан, я хочу поговорить о твоей... свободе. Когда мы вернулись из Чарльстона, мистер Уильям позвал меня в кабинет и дал мне сто долларов. Он сказал, что я могу распоряжаться этими деньгами по своему усмотрению. Если ты возьмешь их и уедешь на Донне, думаю, тебе удастся добраться до Севера.

Он повернул голову и посмотрел на нее. Иногда выражение его темных глаз пугало и озадачивало Айрин, хотя чаще взгляд Алана пробуждал в ее душе пьянящее тепло.

— Я передумал. Я решил остаться.

Она покачнулась в седле.

— Почему?!

— Вы нуждаетесь во мне, мисс Айрин, я это вижу. А если так, то я не могу вас покинуть. Я буду рядом столько, сколько понадобится.

Айрин была рада, что на ее лицо падает тень широкополой соломенной шляпы, иначе он бы заметил жар, опаливший ее щеки.

— А если я скажу, что ты будешь мне нужен всегда?

Алан улыбнулся, и в его улыбке была непонятная печаль.

— Значит, я останусь навсегда, хотя, думаю, вскоре рядом с вами окажется человек, который сумеет по-настоящему вас защитить.

— Что ты имеешь в виду?

— Ваше замужество.

— Я никогда не выйду замуж! — вырвалось у Айрин.

— Почему?

— На то есть несколько причин... — начала она и умолкла.

У нее пересохло в горле, а на плечо вновь опустилась черная птица тоски, которую Айрин, будь ее воля, давно отпустила бы на свободу. Эстер Прин была вынуждена носить на одежде первую букву слова «адюльтер», а какую пришлось бы вышить ей, Айрин О'Келли? Как ее можно было назвать?!

— Простите меня, мисс Айрин, — сказал Алан, — иногда я забываюсь и задаю вам чересчур откровенные вопросы.

— Я хочу, чтобы ты всегда был откровенен со мной, — призналась Айрин.

— Тогда я скажу, что уверен в том, что предстоящий бал затеян для того, чтобы познакомить вас с молодыми людьми и подыскать для вас подходящую партию.

Айрин попыталась улыбнуться.

— Я знаю, что дядя и его дети не чают избавиться от меня, но у них ничего не выйдет.

— Разве вы не будете на балу?

— Буду. У меня даже есть бальное платье. Оно очень кра-

сивое, только я не знаю, как его носить. Наверное, оно смотрится на мне очень смешно. Поэтому я рада, что мне не придется танцевать.

— Почему не придется?

— Потому что я никогда не танцевала.

Алан остановил коня.

— В этом нет ничего сложного.

— А ты умеешь?

— Да. Отец сам показал мне основные па. Еще одна из его причуд! — Алан усмехнулся. — Я слышал, в молодости он вальсировал лучше всех кавалеров в графстве!

Айрин не могла сказать, что побудило ее задать вопрос:

— А ты можешь меня научить?

Они посмотрели друг на друга. Взгляд Алана казался таинственным, неотразимым, а по глазам Айрин можно было прочесть, как ей нестерпимо хочется, чтобы он согласился, и как сильно ее это пугает.

— Да, но тогда мне придется... дотронуться до вас.

Конечно, такое уже случалось, когда он, например, помогал ей садиться в седло, но Айрин понимала, что это все-таки было нечто другое. Она медленно слезла с лошади. У нее пересохло в горле и подогнулись колени, а тело словно пронзила молния. Незнакомое чувство было столь властным и сильным, что она решилась сказать неправду:

— Я не боюсь.

Они отошли от дороги и разыскали небольшую поляну.

Когда Алан осторожно обнял Айрин, мягко взял ее руку в свою, она не смогла сдержать дрожь. Он оказался очень близко, его кожа была горячей и гладкой. Ей казалось, что она переживает один из самых ярких и прекрасных моментов в жизни, и мечтала о том, чтобы корни этого настроения проросли в бесконечность, чтобы все, что происходило сейчас, имело свое продолжение. Айрин старалась слушать объяснения Алана, а сама не могла привести в порядок ни мысли, ни чувства. В эти мгновенья она была сосудом, который внезапно опустошили до дна и тут же наполнили совершенно иным содержимым.

Небольшая, покрытая бархатным мхом поляна казалась сценой, на которой они играли чужие, но такие интересные, волнующие роли. Завеса зелени и тишины отделяла их от реальности, создавала иллюзию того, что окружающего мира не существует. Рука Алана лежала на талии Айрин, его лицо было спокойным и серьезным. То, что они делали, делали с самого начала, было чистейшим безумием, нарушением всех устоев. Но... разве не благословенно безумие, способное подарить секунды такого счастья, какое не оплатишь ничем?

Глава шестнадцатая

Стол накрыли тончайшей полотняной скатертью, полы натерли воском, подсвечники начистили до зеркального блеска. Волнение господ передалось слугам; Арчи облачился в парадную ливрею и перчатки и вместе с Касси расставлял посуду и раскладывал приборы. На кухне хозяйничала Бесс: помещение наполнял густой ароматный пар, вырывавшийся из-под крышек кастрюль. Лила, временно заменявшая мать, со стуком резала овощи и зелень: она не умела делать прически и шнуровать корсет, и Нэнси поднялась в комнату, чтобы помочь ее госпоже.

Негритянка приподняла волосы Айрин надо лбом и уложила в виде двух валиков, а остальные локоны распустила по плечам и спине. Хотя сердце Нэнси изо всех сил желало забыть прошлое, когда она была домашней прислугой, ее руки сохранили память. Из глубины зеркала на Айрин смотрела незнакомка, зеленоглазая, светловолосая незнакомка, Афро-дита, рожденная из пены шелка и кружев. Ей было безразлично, что подумают и скажут о ней чужие люди. Единственное, чего бы она хотела: чтобы ее увидел Алан.

Принимая в своем доме гостей, мистер Уильям, казалось, помолодел на несколько лет. Юджин флиртовал с соседскими барышнями, не отдавая предпочтения ни одной из них. Молодые люди присматривались к Айрин, оценивая ее

внешность и прикидывая, какое отношение она может иметь к хлопковому раю семейства О'Келли. С Сарой они держались почтительно, но не более, очевидно, давно потеряв надежду заслужить ее интерес. Девушки и их матери были вежливы с Айрин, но любой бы сказал, что они сразу распознали в ней чужачку.

После ужина и танцев Сара и Джейк вышли в сад.

— Вам понравилось? — с надеждой спросила она.

— Да, — ответил он. — Вы были прекрасны.

Он ругал себя за то, что не нашел другой, не такой избитой фразы, однако, похоже, Сара испытала искреннее удовольствие. Она взяла его под руку, и они пошли по тропинке. Хотя они обменивались ничего не значащими словами, Джейк чувствовал, что этот вечер может иметь продолжение. Но какое? Он вновь погружался в водоворот сомнений и вопросов, о которых размышлял гораздо больше, чем о своей спутнице. Сара была интересна как собеседница, однако в основном он думал о ее деньгах, и ему это вовсе не нравилось.

Когда последний из гостей скрылся в глубине подъездной аллеи, над домом уже взошла большая медово-желтая луна. Айрин поднялась в свою комнату. Она вспоминала дивные ароматы блюд, которые прислуга одно за другим торжественно вносила в столовую, дрожание пламени свечей, причудливые тени на белом полотне скатерти. Розовые цветы на корсаже Сары, золотой свет на ее лице и улыбку, обращенную

к Джейку Китингу. Айрин с наслаждением вдохнула ночной воздух. Она так и не решилась принять хотя бы одно приглашение на танец и обрадовалась, когда вечер закончился. Ей хотелось снять платье, казавшееся чужой кожей, расшнуровать корсет, который стискивал ребра. Хотелось лечь в постель и всласть погрузиться, думая об Ирландии. Комната была усыпана лунными бликами, а на ковре перед кроватью свернулось что-то большое и темное. Айрин услышала тихий плач. Навстречу поднялась Лила с залитым слезами лицом и выражением такого горя, что у ее госпожи сжалось сердце.

— Что случилось? Кто тебя обидел?!

— Они были вместе весь вечер, я видела. Она смотрела только на него, танцевала только с ним. И ему это нравилось. Он тоже не сводил с нее глаз. Брал ее за руку, обнимал. Говорил с ней.

— О ком ты? О мисс Саре и мистере Китинге?

— Да, о них.

Айрин приподняла обруч кринолина и опустилась на стул. Она обняла Лилу за плечи.

— Он тебе нравится?

— Не просто нравится. В нем моя жизнь.

— Он знает об этом?

— Он должен знать.

Айрин помедлила.

— Между вами... что-то было?

— Да, и не один раз. Он хотел этого, и я тоже. И он дал мне

обещания, о каких я никогда бы не осмелилась попросить.

Сердце Айрин глухо стучало в груди. Она не подозревала, что рядом творятся такие вещи!

— Поговори с ним. Возможно, он был вынужден притворяться. Сара пригласила его, и у него не было иного выхода, как ухаживать за ней.

— Разве у меня есть право в чем-то его упрекать?!

Айрин долго гладила плечи мулатки, не зная, как ее утешить. В конце концов Лила встала, помогла госпоже снять платье, расшнуровала ее корсет. После они молча легли: Айрин — на кровать, Лила — на кушетку в углу. Айрин долго лежала без сна, потом поднялась и решила пройти на кухню. Ей захотелось попить воды. Перед тем как выйти за дверь, она тихо подошла к ложу Лилы и увидела, что мулатка спит. Айрин силилась отыскать в чертах ее лица хотя бы одну неверную линию и не могла. Кто бы решился обидеть это наивное, прекрасное, способное на беззаветную преданность существо?! Айрин хотелось сказать Лиле, что между ней и доктором Китингом невозможны нормальные отношения, пока она не перестанет относиться к нему как к высшему существу. Но могла ли она давать ей советы, она, та, что испытывала столь противоречивые чувства, что ей казалось, будто они вот-вот раздерут ее душу на части?!

Айрин накинула на ночную сорочку длинную шаль и спустилась вниз. Дом спал. Поблескивали каменные плиты пола, тускло серебрились перила лестницы. Потолок тонул во

тьме. За высокими окнами шевелились ветви деревьев и сиял золотой глаз луны. Айрин заметила бледную полосу света, пробивавшуюся из-под кухонной двери. Кто там? Бесс? Едва ли кухарка, умаявшаяся за день, стала бы сидеть на кухне ночью! Или кто-то из слуг забыл погасить лампу или свечу? Чуть поколебавшись, она толкнула дверь и вошла в помещение. Свеча сияла во тьме пронзительной желтой точкой; в углах кухни сгустились черные тени. За столом сидел Алан. Он повернул голову, и Айрин увидела его темные глаза: их взгляд словно вбирал в себя ее лицо и фигуру, отчего ей стало не по себе.

— Это вы? — промолвил он странным чужим голосом.

— Да. Мне захотелось пить.

Айрин взяла стакан и наполнила его водой, стараясь не смотреть на Алана. Она не осмеливалась спросить, почему он здесь.

— Все прошло хорошо? Я имею в виду прием гостей и танцы.

Айрин лучше закуталась в шаль и присела к столу.

— Мне кажется, я была очень неловкой, а гости смеялись над моим ирландским акцентом.

— Это не страшно. Со временем они привыкнут, а вы, в свою очередь, приспособитесь к новой жизни.

Она покачала головой.

— Думаю, я навсегда останусь чужой в этой стране.

— Почему? Я не вижу никаких препятствий к тому, чтобы

вы освоились на новой земле.

Айрин поднесла к губам стакан, который неожиданно показался ей очень тяжелым, сделала глоток и сказала:

— Ты ничего не знаешь обо мне, Алан. Когда мы приехали в Америку, то были вынуждены рыскать по свалкам, где собирали всякий хлам. Несколько месяцев я жила в окружении зловонных куч, костей дохлых животных, распространявших заразу, питалась отбросами и объедками. Когда Сара об этом узнала, она пришла в ужас.

— Это означает только одно: мисс Сара не видит сути. Какой бы грязи ни касались ваши руки, на вашем сердце нет пятен. Я никогда не был столь откровенен ни с одним человеком. Мне трудно поверить, что я сижу за одним столом с белой женщиной и она общается со мной так, будто мы на равных, — ответил Алан.

Что-то дрогнуло у нее в душе и отчаянно запросилось наружу.

— Прошу тебя, Алан, давай отбросим условности! Я готова принять все, что есть в Америке, кроме рабства.

— Но оно существует, и мое сомнение сломлено. Я с самого начала играл по чужим правилам. Полагаю, отец неслучайно не дал мне свободу. В глубине души он все понимал. То, что он признавал меня своим сыном, ничего не меняло, потому что при всем желании ни он, ни я не могли изменить мое происхождение, мою внешность.

— Мне очень нравится цвет твоей кожи, — призналась

Айрин.

— Разумеется, мне приятно сознавать, что вас притягивает ко мне та самая капля африканской крови, которую я всегда считал каплей яда, — сказал Алан и улыбнулся.

Глаза Айрин лихорадочно заблестели, и она с трудом вымолвила:

— Дело не только в этом.

— В вашем воспитании, а еще в том, что ваши родные, сознательно или нет, отстранили вас от своего круга, и вам ничего не оставалось, как довольствоваться обществом слуг, — заметил Алан.

— Я никогда не относилась к тебе как к слуге.

— Знаю. Вы ни за что не прикажете высечь меня за те дерзкие вещи, какие я постоянно вам говорю. И все-таки нас разделяет бездна.

Свеча догорела, но глаза Айрин сверкнули в темноте, как у кошки, и в них внезапно появилась решимость.

— Ты единственный, кому я могу довериться, и ты отталкиваешь меня! Почему?

— Потому что слишком близкое и непосредственное общение со мной может вам навредить, — сказал он, потом прикоснулся к вискам кончиками пальцев и помотал головой, словно желая избавиться от наваждения или боли. — Я не отталкиваю вас, я... пытаюсь убежать от самого себя.

Айрин поднялась на ноги. Она была так сильно взволнована, что ей не пришло в голову задуматься над смыслом его

последних слов.

— Послушай, Алан! Сейчас я расскажу о себе то, что мгновенно опустит меня намного ниже тебя! Знаешь ли ты, как я добыла билет в Америку?! У меня не хватало денег, а потом и те, что были, украл какой-то человек. Я не знала, что делать, куда идти, боялась ночевать на улице. Некая миссис Биглер охотилась за такими, как я. Я согласилась с ней пойти, и она привела меня в дом, где женщины продают свое тело мужчинам. Я отдала себя за семь фунтов. Мне было плохо, и я страдала. Но я не знала, как сильно буду страдать *потом*. — Она посмотрела в его огромные глаза и неподвижное лицо и добавила с потрясающей искренностью и неизбывным трагизмом: — Я не знала никого, кто помог бы мне избавиться от этого, ничего, что заставило бы меня забыть о том, что случилось! Но когда появился ты, я почувствовала, что смогу перешагнуть через это и жить дальше. Наши прогулки, разговоры... все это сделало меня счастливой.

Умолкнув, она со страхом ждала, что он сделает или скажет. Алан опустился на колени, бережно обхватил ее тело руками и промолвил:

— Я обещал, что всегда буду рядом. Просто я боюсь того, к чему это может привести. Можно долго скрывать ненависть, но не... любовь.

Он поднял глаза; в его взоре был жаркий огонь, и ей стало трудно дышать.

— Это... правда?

— Самая безумная правда, какая существует на свете.

Алан встал, и Айрин увидела его таким, каким он был на самом деле, сбросившим маску раба и слуги. И она, наконец, смогла открыть ему правду своего сердца. Правду, которая таилась там вот уже много дней:

— Я тоже тебя люблю.

Он осторожно обнял ее и прижал ее голову к своему плечу. В его объятиях было столько спокойствия и уверенности, что Айрин захотелось плакать от счастья.

— Я понял это, хотя не сразу поверил. Прости, что вынудил тебя сделать признание. Я рад, что сумел хоть чем-то тебе помочь. Главное, что ты выжила, что ты оказалась здесь, что мы смогли сказать друг другу то, что сказали. Остальное забудется. Просто мысленно переверни эту страницу и никогда в нее не заглядывай.

— Для тебя это... неважно?

— Для меня важна только ты. Такая, какая есть.

Алан запустил пальцы в ее распущенные светлые волосы, а потом приблизил губы к ее губам. Айрин замерла. Он целовал ее не страстно и жадно, а осторожно и нежно, будто прикасался не к женским губам, а к лепесткам хрупкого цветка. Айрин испытала то потрясающее чувство, когда кажется, будто освобождаешься и улетаешь на небеса, и вместе с тем осознала власть и тяжесть собственной плоти. Она осторожно дотронулась до его восхитительно нежной и гладкой кожи. Его волосы были шелковистыми и мягкими. В его боль-

ших темно-карих глазах отражалась любовь, они заглядывали в ее душу.

— Я боюсь того, что нас ждет, — сказал Алан. — Обитатели Темры не слепые. На нас без того косятся из-за того, что мы без конца где-то пропадаем вдвоем.

— Саре это выгодно. Она старается меня не замечать. Юджин подолгу не бывает дома. Мистер Уильям много времени проводит в своем кабинете.

— Есть еще управляющий, другие белые работники и — негры. Последние обладают звериным чутьем, они способны мгновенно уловить то, о чем белый догадается через сто лет.

Айрин постаралась улыбнуться.

— Остается положиться на волю судьбы.

— И все-таки мы должны быть очень осторожны. Скажем, сейчас тебе лучше вернуться к себе.

— Что ты делал на кухне? — спросила Айрин. — Почему пришел сюда ночью?

Алан усмехнулся.

— Из-за Касси. Она явилась ко мне и откровенно заигрывала, а я дал ей понять, что меня это совершенно не трогает. Она разозлилась и принялась меня оскорблять. Не хотела уходить. Тогда ушел я.

— Касси?!

Он пожал плечами.

— Чему удивляться? Где бы я ни появлялся, женщины не давали мне прохода.

— Негритянки?

— Конечно, не белые.

— Ты их презирал?

— Нет. Они следовали своей природе, а я... мне не хотелось довольствоваться только влечением.

Когда Айрин вернулась в свою комнату, то увидела, что Лила проснулась и сидит на кушетке.

— Где вы были, мисс? — спросила она.

— Спускалась на кухню попить.

— Я решила поговорить с мистером Джейком. Пусть скажет мне правду!

Айрин опустилась рядом. Ее не отпускало ощущение нереальности происходящего. Она призналась Алану в своем страшном секрете. Она выдала свои чувства. Она с ним целовалась. Она любила и была любима.

— Ты не должна называть его мистером. Постарайся быть с ним на равных.

— Разве такое возможно?!

Айрин улыбнулась. Теперь она знала: на свете возможно все, во что решишься поверить, так же как любовь способна подтолкнуть человека к тому, чего он не мог вообразить в самых безумных мечтах.

Глава семнадцатая

Сара считала, что не верит в чудеса. Но когда коробочки хлопка начинали раскрываться одна за другой и зеленое поле будто покрывалось снегом, она забывала об этом. Хлопок был легким, как пух, почти невесомым, но его собирали столько, что он мог прокормить не одну сотню человек! Сара видела, что Джейку безразличен хлопок. С другой стороны, если бы он был сыном или зятем владельца плантации, то наверняка бы сумел по достоинству оценить чудеса Юга. На вечере Джейк танцевал только с ней. Сара чувствовала, что отлично выглядит, и это наполняло ее уверенностью в себе. Она плыла и скользила по полу, и ее пышная юбка вздымалась вокруг затянутой в корсет, тонкой, как ножка хрустальной рюмки, талии. Пока что она не задумывалась о том, к чему могут привести их отношения, но ей нравилось робкое поклонение этого человека. Его слова пробудили в ней тоску по возвышенной романтике, которой она, рожденная среди сельских угодий, отчасти была лишена.

Неспешные приятные мысли Сары прервала Касси, которая буквально ворвалась в комнату и взволнованно заявила с порога:

— Мисс, я должна с вами поговорить!

Сара медленно повернула голову и уставилась на служанку, пораженная столь непривычным поведением.

— О чем?

— Об Алане. И я, и Арчи, и Бесс, и другие слуги, мы работаем целый день, сбиваемся с ног, а он ничего не делает! Только гуляет с мисс Айрин! А в остальное время сидит в своей комнате и читает!

— Что ты сказала?!

— Читает книги, мисс!

Касси была так сильно возмущена, что не сумела по обыкновению насладиться изумлением госпожи. Сара в самом деле была потрясена. Рабов официально запрещалось обучать грамоте, и она ни разу не встречала ни мулата, ни негра, интересующегося книгами.

— Он умеет читать?

— Да.

— Кто его научил?

— Не знаю.

— А откуда у него книги?

Касси пожала плечами.

— Наверное, из библиотеки мистера Уильяма. Думаю, их взяла мисс Айрин.

— Где он сейчас? — спросила Сара.

— Во дворе. Они с мисс Айрин собираются на прогулку, — сообщила Касси и, не удержавшись, заметила: — В том, что белая мисс и цветной раб повсюду разгуливают вдвоем, есть что-то странное. И неприличное.

— Ты права, — сказала Сара и направилась в комнату бра-

та.

Однако Юджин, перебравший виски во время вчерашнего ужина, отказался вставать с постели. Тогда Сара сама спустилась во двор и успела вовремя: Айрин собиралась садиться в седло. Ее лицо разругивалось, глаза сверкали, как изумруды. Сару поразил и задел ее залиvistый беспечный смех. Мулат стоял рядом и глядел на Айрин с обожанием и преданностью. Он и впрямь был красив: высокий, великолепно сложенный, стройный. Его волнистые черные волосы растрепал ветер, а белые зубы сверкали, как полированный мрамор. Даже Сара, привыкшая смотреть на красивых рабов, как на породистых животных, не могла не заметить, что на облике Алана лежит печать хорошего воспитания и образованности. Он казался не темнокожим, среди предков которого были белые, а белым с каплей африканской крови. Сара не знала, как с ним разговаривать, поэтому обратилась к Айрин:

— Почему бы тебе не заняться какой-нибудь работой? Ты только и знаешь, что бездельничать!

Вопреки ожиданиям, Айрин смотрела открыто и дерзко.

— В первый день я спросила, не надо ли мне что-нибудь сделать, и ты ответила, что в этом доме всем занимаются слуги. Что-то изменилось?

Сара вспыхнула.

— Ты не имеешь права брать лошадь и уезжать, когда и куда вздумается.

— Почему нет? Мистер Уильям купил Донна для меня.

— Тебя не может сопровождать этот раб!

— Может. Твой отец разрешил.

— Хорошо, я пойду к нему и расскажу о твоём поведении,

— сказала Сара и повернулась на каблуках.

Она чувствовала, что проиграла. У этой ирландской девочки хватило наглости отплатить ей той же монетой! Когда Алан и Айрин очутились за воротами, юноша сказал:

— Прошу, не зли ее. Мы слишком сильно зависим от этой женщины. Нам надо быть хитрыми и осторожными.

Айрин тряхнула волосами так, что они рассыпались по спине. Ее взгляд был омрачен бессильным отчаянием.

— Давай убежим вместе!

Алан покачал головой.

— Нет. Нельзя.

— Почему?

— Потому что я несвободен. Одно дело, когда бежит раб и совсем другое — раб и свободная белая женщина. В первом случае его ждет наказание плетьюми или карцер. Во втором — линчевание, смерть. Не говоря о том позоре, который покроет *ее*.

— Как в «Алой букве»?

— Нет, в сто раз хуже.

— Что же нам делать?!

Он долго медлил, подыскивая ответ, которого не было, и, наконец, произнес:

— Подождать.

— Ты по-прежнему не хочешь бежать один? — тихо спросила Айрин.

— Нет. Я одинаково не могу оставить тебя одну и бежать с тобой, поэтому еще не решил, что нам делать.

Айрин опустила голову, потом резко подняла и повторила:

— Давай убежим!

— Нет. Ты дорого заплатила за то, чтобы добраться сюда, многие годы ты не ела досыта, ты могла умереть. В этом смысле Темра — безопасное и надежное место.

— Я согласилась бы голодать, лишь бы быть с тобой.

Алан привлек Айрин к себе, и его губы обожгли ее кожу.

— Не говори так, — прошептал он, — тырываешь мне сердце!

— Теперь я думаю, что на свете есть нечто пострашнее голода.

— Возможно, — сказал Алан. — Однажды я слышал песню, которую пели негры на плантации. Там были такие строки:

Нечего было есть,

Негде было спать.

Мерзлая земля служила мне кроватью.

Но я на пути.

О Боже, я на пути!

В холле, от возмущения не видящая дороги, Сара едва не столкнулась с Лилой. Белинда О'Келли иногда называла до-

машинных негров «наша черная семья», но сейчас Сара была далека от того, чтобы следовать примеру матери. Она резко оттолкнула Лилу, и та заметила, что лицо молодой хозяйки посерело от злости. Мулатка замедлила шаг. Нет, она не могла уйти сейчас, уйти просто так, тем самым вызвав подозрения и гнев господ. Лила вернулась на кухню, где в эти минуты никого не было, и, не дрогнув, плеснула на руку кипятком, а после, не морщась, глядела, как горячая влага пожирает ее плоть. По щекам потекли слезы, но само лицо оставалось каменным. В дверях ее поймала Нэнси.

— Ты куда?

— Я обожгла руку. Мне надо к доктору Джейку.

Нэнси пристально посмотрела на дочь и увидела все, что хотела увидеть.

— Что я всегда чуяла сердцем, так это беду. Ты спала с ним. Не отпирайся. А теперь ты ему надоела, он тебя избегает, и ты хочешь броситься ему в ноги. Я тебя предупреждала. Наши миры разделены, как разделены жизнь и смерть. Такие истории всегда заканчиваются одинаково. Ты никуда не пойдешь. Я сама займусь твоей рукой.

Когда настал вечер и Лила вновь поделилась своей бедой с Айрин, та решительно произнесла:

— Иди. Иди сейчас. Если что, я тебя прикрою.

Лила бежала во тьме, задыхаясь и не глядя по сторонам. Вокруг не было ни души, лишь сотни ночных бабочек кружились в воздухе, то и дело задевая ее лицо своими невесо-

мыми крыльями. Звенели цикады; над головой рассыпались похожие на булавочные головки звезды. Когда мулатка робко вошла в комнату, которую делили Барт и Джейк, последний вздрогнул от неожиданности. Барт с ухмылкой спросил: — Мне выйти?

Джейк кивнул, и надсмотрщик покинул помещение. Глаза Лилы были полны слез, дрожь искажала нежный изгиб ее губ. Обожженная рука нестерпимо ныла, а в душу все глубже проникало тревожное предчувствие. Лила надеялась, что Джейк бросится к ней, крепко обнимет, и все ее тревоги спадут с души, как шелуха, но он не двигался и только смотрел на нее. Она не знала, как освободиться от этой муки, а потому сделала то, что предрекала ее мать и от чего предостерегала Айрин: повалилась в ноги Джейка, и ее вопли напомнили ему заунывный негритянский плач, плач людей, лишившихся родины и не знающих, где отыскать пристанище.

— Лила! Прошу тебя встань!

— Я больше вам не нужна. Скажите мне правду!

— Я сказал тебе правду еще тогда, в хижине, и не собираюсь от нее отказываться.

Ей показалось, что он произнес эти слова, подчиняясь некоему внутреннему усилию, и потому продолжала плакать.

— Пойми, Лила, мы должны быть осторожными. Ты не можешь вот так внезапно врываться ко мне. Барт нас не выдаст, но тебя могут увидеть негры, и тогда пойдут слухи. Ес-

ли мисс Сара или ее родные что-то заподозрят, я могу лишиться места, и тогда мне придется уехать. — Голос Джейка звучал раздраженно и устало.

Мулатка поднялась на ноги.

— Простите меня, сэр. Больше это не повторится.

Она собиралась открыть дверь, когда Джейк не выдержал и окликнул:

— Постой! Ты ошибаешься. Ты все придумала. Ты мне нужна.

Он подошел к ней и, наконец, обнял. Покорившись его рукам, Лила обрела тень покоя. Возможно, он прав: она слишком мнительна и нетерпелива и только зря сердит его и мучает себя. Целуя Лилу, Джейк думал о том, что во многих городах Америки люди вынуждены работать на фабриках по двенадцать-четырнадцать часов, получая пятьдесят центов в неделю, о долговых тюрьмах, о голодных, дрожащих от холода нищих, наводнявших благотворительные учреждения и умиравших в очередях за бесплатным супом. А еще — вспоминал слова Сары о том, что каждый урожай хлопка приносит ее семье не менее сотни тысяч долларов. Семья О'Келли жила достаточно скромно, их провинциальный дом не был похож на роскошные палаты, однако стоило им с Сарой сесть на корабль или в поезд, и их взорам открывалась бы та Америка, какую Бог создал для успешных и богатых белых людей.

Глава восемнадцатая

«Хлопок правит миром» — Сара О'Келли настолько привыкла к этой фразе, что не придавала ей какого-то особого значения. Она не задумывалась о том, что «белое золото», бывшее основой жизненного уклада, может также стать орудием политики. Вчера ей не удалось поговорить с отцом: и Уильям, и Юджин были взбудоражены вестями, которые пришли из Чарльстона — столицы Южной Каролины. Не так давно там появилась скандальная книга публициста Хинтона Хельпера «Неминуемый кризис Юга», где говорилось об экономической невыгодности рабства и которую северяне использовали в агитации против южан.

Плантаторы-рабовладельцы были возмущены. Что станет делать наглый Север без хлопка, который дает благодатный Юг?! Тут же пошли слухи о предстоящем расколе демократической партии и выходе Южной Каролины из Союза. Уильям коротко рассказал об этом Саре, когда она вошла в кабинет и заметила, что хотела поговорить с ним еще вчера. Выслушав отца, Сара спросила:

— Нам грозит непосредственная опасность?

— Нет, разумеется, нет, — ответил Уильям и грустно улыбнулся.

Юджин слишком легкомыслен, а Сара чересчур серьезна — вот почему у него до сих пор нет внуков! Если бы сын и

дочь могли поменяться местами, все сложилось бы по-другому.

— Если у нас не будет рабов, кто станет собирать хлопок?! Чернокожие просто не захотят работать!

— Ты совершенно права. Янки не знают, что такое негры, и не умеют управляться с ними. Освободить их — значит, посадить себе на шею до скончания века. Если это произойдет, в стране воцарится хаос, — сказал Уильям и спросил: — О чем ты хотела со мной поговорить?

— О хаосе в нашем доме.

Уильям удивленно приподнял брови, а Сара продолжила:

— Что ты скажешь, если я доложу, что некий раб, вместо того, чтобы работать, как другие, целыми днями читает книги из твоей библиотеки?

Отец рассмеялся.

— Примерно то же, что бы сказал, если бы узнал, что Касси надела одно из твоих платьев, велела запрячь коляску и отправилась наносить визиты соседям. А о ком ты говоришь?

— О мулате Алане, которого ты почти подарил Айрин.

Когда речь шла об Айрин, Уильям всегда вставал на ее сторону. Сара надеялась, что в этом случае он поведет себя иначе.

— Не может быть! Откуда он знает грамоту?

— Мне неизвестна его история.

— А кто разрешил ему брать книги из библиотеки?

— Разумеется, *она*.

— Подумать только! Вели прислать этого мулата ко мне.

— Ты хочешь его наказать?

— За что? — удивился Уильям. — Если он умеет читать и писать, это надо как-то использовать.

Это был тот случай, когда с отцом не приходилось спорить. Мистер О'Келли не терпел, когда личное отношение к рабам мешало хозяевам осознать их полезность. Скрепя сердце Сара выполнила отцовский приказ, и вскоре Алан вошел в кабинет своего хозяина. Уильям впервые внимательно разглядел недавнее приобретение. В этом человеке на редкость гармонично сочетались черты африканского и европейского народов. Черное и белое, дикость и ум, чувственность и хладнокровие. Плантатор вспомнил доклад управляющего: раб непокорный и наглый, его не может сломить даже жестокое наказание, его лучше продать, а неплохо было бы и убить. Уильяму стало интересно докопаться до истины, и он спросил:

— Кто был твоим хозяином?

— Их было много, сэр.

— Я имею в виду первого, в доме которого ты родился.

— Этого человека звали Гарольд Клеменс из Джорджии.

— Гарольд Клеменс? Мы не были близко знакомы, но я слышал о нем. Кажется, он умер?

— Да. Два года назад, — ответил Алан и добавил: — Это мой отец.

От неожиданности Уильям покачнулся на стуле. Правда о сожительстве белых с негритянками старательно замалчивалась. Считалось, что такого просто не может быть. Хотя все понимали, что мулаты не появляются сами собой и не слишком часто приезжают с Севера, где не было рабства и имел место подобный разврат.

— Этого я не знал. Так это он распорядился обучить тебя грамоте?

— Да, сэр. Я с детства много читал. Отец собирался отправить меня на Север, когда мне исполнится двадцать лет. Мы говорили об этом накануне его смерти.

— Почему же он не дал тебе свободу?

Алан нервно сцепил длинные пальцы, но его лицо осталось спокойным.

— Я по сей день задаю себе этот вопрос. Он воспитывал меня как сына. И я знаю, что он меня любил.

— Что произошло с тобой после того, как он умер?

— Его законная белая супруга распорядилась продать меня людям, единственным стремлением которых было оставить на моем теле как можно меньше живого места и втоптать мою душу в грязь.

Мистер О'Келли почувствовал странное смущение, какое никогда не испытывал в присутствии рабов. Он невольно подумал о том, что отношение плантаторов к этому юноше напоминало поведение дикарей, в руки которых попала ценная вещь.

— Ты не хотел покоряться?

— Не хотел.

— Почему?

— Поставьте себя на мое место, сэр!

Это был дерзкий ответ, но Уильям сделал вид, что ничего не заметил, и спросил:

— А как у тебя с арифметикой?

— Хорошо. И я также увлекался географией и историей.

Уильям вновь ощутил неловкость. Этот юноша держался с редким достоинством; в нем было легко угадать человека, привыкшего думать и истолковывать жизнь согласно личному пониманию. Многие знакомые мистера О'Келли, мнившие себя столпами местного общества, жили словно вслепую: все представления о том, что правильно, а что нет, что хорошо, а что плохо, заимствовали от окружающих и никогда не имели своего мнения. Уильям понимал, что умение возвыситься над своей средой — редкое качество, данное немногим.

— Мы привыкли называть мулатами всех, кто имеет смешанную кровь, но, полагаю, ты черный не наполовину, а меньше?

— Не знаю, сэр. Моя мать не была чистой негритянкой, но она не помнила своих родителей, — ответил Алан, при этом в его взгляде ясно читалось: «Какое это имеет значение, если я все равно несвободен?»

Очевидно, хозяева ненавидели этого раба не за его зна-

ния, грамотную речь и хорошие манеры, а в первую очередь — за отсутствие подобиюстрастия и страха. Подумав, что должен принять достойное и великодушное решение, Уильям сказал:

— Вижу, ты отличаешься от большинства рабов не только цветом кожи. Люди, которые пытались силой загнать тебя на низшую ступень, чем та, на которой ты находишься на самом деле, были неправы. Я поступлю иначе: отправлю тебя в контору нашего управляющего, мистера Фоера. У нас большая плантация, и ему требуется помощник.

Алан не удивился, он только спросил:

— Мистер Фоер подчиняется непосредственно вам, сэр?

— Да, но я хочу, чтобы плантацией занимался мой сын Юджин. Поэтому в случае каких-то вопросов лучше обращай к нему.

Узнав о решении Уильяма, Сара в сердцах сказала Касси:

— Подумать только, отец заявил, что этот Алан — очень ценное приобретение и Айрин — единственная, кто сумел это понять!

— Полагаю, она разглядела в нем кое-что другое, — пробормотала Касси и задумалась.

Мысль, которую она случайно высказала, была откровенно неприличной, скандальной: многие рабыни сожительствовали с господами, но чтобы белая женщина заинтересовалась цветным, а цветной осмелился посягнуть на честь белой?! Вместе с тем от этой бесстыжей ирландской рвани

и высокомерного мулата можно было ожидать чего угодно! Хотя Касси почти не покидала пределов усадьбы, она решила при первом удобном случае проследить за ними.

Узнав о том, что Алан будет работать в конторе управляющего, Айрин и обрадовалась, и огорчилась. Возможно, со временем дядя поймет, что такого умного и талантливого молодого человека надо отпустить на свободу; в то же время теперь им с Аланом придется куда меньше видеться.

Когда управляющий узнал, что ему в помощники определили мало что раба, так еще и раба, который посмел его оскорбить, он впал в холодное бешенство, и когда молодой человек явился в контору, демонстративно не желал его замечать.

Алан взялся просматривать хозяйственные книги, многие из коих были начаты давно, при прежнем управляющем и когда Юджин еще не вернулся с учебы. Он обратил внимание, что документы, касавшиеся продажи хлопка или покупки рабов, были составлены безукоризненно (эти записи и поныне проверял мистер Уильям). А вот в тех, где речь шла об обеспечении негров продуктами и одеждой, цифры не сходились. Хозяин установил, что полевым работникам должно выдаваться на лето по две рубашки, пара брюк из холста и башмаки. Ежемесячно — минимум двенадцать фунтов соленой свинины, два бушеля кукурузы и пинта соли. Однако когда Алан подсчитал количество рабов, а также израсходованных продуктов и вещей, уравнение не сошлось. Судя по

всему, эти отчеты проверял Юджин или, скорее, не проверял, хотя везде стояла его подпись. Алану была известна манера управляющих наживаться на бесправных неграх (получит ли черный работник двенадцать или десять фунтов солонины, он все равно не умрет от голода), и он счел необходимым сообщить Фоеру:

— Сэр, я нашел ошибку в счетах.

— Где?! — Управляющий не скрывал свой злобы.

— Вот здесь, — ответил Алан и показал столбики цифр.

— Мистер О'Келли отправил тебя сюда, чтобы ты проверял мою работу?!

— Нет, но я должен войти в курс дела.

— Ты обязан выполнять *мои* приказания. Скажем, если я велю тебе вымыть полы в конторе, ты это сделаешь.

Алан молчал. Фоер раздраженно перевернул станицу грессбуха и, холодно усмехнувшись, сказал:

— Счета подписаны мистером Юджином. Не значит ли это, что ты соображаешь лучше него?

Алан поднялся из-за стола.

— Это означает, сэр, что рабам выдавали продуктов и одежды меньше нормы, установленной хозяином. Мистер Юджин поставил свою подпись, не проверив отчетность.

Они обменялись долгими взглядами. Фоеру страшно хотелось отвесить наглецу пощечину, но он был неглуп и поэтому ограничился тем, что заметил:

— Когда мистер Юджин придет в контору, я изложу ему

твои соображения.

Молодой хозяин появился около полудня. На нем был летний сюртук, бриджи и сапоги для верховой езды. Едва ли Юджин собирался задерживаться в конторе, потому что, окинув помещение рассеянным взглядом, нетерпеливо спросил:

— Все в порядке?

— Мистер Юджин, — вкрадчиво произнес Фоер, делая шаг вперед и от волнения хромая больше обычного, — не лучше ли мне взять расчет, поскольку у меня появился очень ретивый помощник? Он сказал, что вы ленитесь просматривать счета и что ваши рабы голодают.

— Да они откормленные, как боровы! — сказал Юджин.

Он повернулся к Алану и посмотрел на него, как на вдруг проявивший собственную волю предмет. Алан вздрогнул и ответил молодому хозяину взглядом, в котором сквозило не непонимание или презрение, а глубокое сожаление по поводу его испорченной породы, породы людей, чей мир некогда казался ему манящим раем, а потом превратился в собрание демонов и масок. Юджин побагровел так, что под краской исчезли веснушки, и резко спросил Фоера:

— Почему он здесь?

— Приказ мистера Уильяма, сэр.

— Я тоже могу отдавать приказы, — сказал Юджин.

Он взял перо и что-то написал на клочке бумаги. Потом вручил записку Алану со словами:

— Я даю тебе поручение. Мистер Фоер доложит, как оно будет выполнено.

Алан прочитал записку. На его лице не дрогнул ни один мускул. Он молча поклонился и вышел за дверь.

Глава девятнадцатая

Когда домочадцы улеглись спать, Айрин проскользнула в пристройку, где жили слуги, направилась к комнате Алана (домашним рабам выделялись отдельные каморки) и, легко постучав, вошла. Она не думала о приличиях, о том, что ее могут увидеть. Ей не терпелось узнать, чем занимался Алан в конторе управляющего и остался ли Фоер доволен его работой.

Вопреки ожиданиям, Алан не шагнул ей навстречу, он всего лишь сел на постели, кутаясь в простыню. В каморке было мало места, но царил порядок. В отличие от жилищ полевых работников, в комнатах домашней прислуги можно было увидеть хорошие, даже красивые вещи. На небольшом столике стоял стакан с водой и лежала книга, заложенная стеблем тысячелистника. Айрин растерянно переступила с ноги на ногу. Ей показалось, что Алан не рад ее видеть, и она нерешительно спросила:

— Как прошел день?

— Неплохо.

— Чем ты занимался в конторе управляющего?

— Просматривал хозяйственные книги.

Айрин почудилось, будто он отвечает неохотно и держится настороженно. Что в нем идет некая внутренняя борьба: глаза лихорадочно поблескивали, а кожа приобрела оттенок

меди. Айрин заметила, что, разговаривая с ней, он слегка морщится, словно от боли, и поводит плечами, будто пытается расправить несуществующие крылья.

— Ты заболел?

— У меня небольшой жар.

— Ты обращался к доктору Джейку?

— Нет.

— Почему?

— Не стоит тревожить его по таким пустякам.

Айрин глубоко вздохнула.

— Ты хочешь, чтобы я ушла?

Он посмотрел на нее долгим взглядом и кивнул. Она не поверила.

— Ты что-то скрываешь от меня!

— Ничего.

Айрин присмотрелась внимательнее. На светлой ткани простыни, прикрывавшей тело Алана, проступало несколько кровавых пятен. Она отшатнулась.

— Что это?!

Он молча отбросил ткань в сторону. Гладкую кожу плеч и спины Алана пересекали багровые ленты длинных ссадин, похожих на следы огромных когтей.

— Кто это сделал?!

— Старший надсмотрщик. По приказу мистера Юджина.

— За что?! Что случилось?

Алан коротко рассказал.

— Тебе надо было пойти к моему дяде! Ты ни в чем не провинился. Юджин не имел права так поступать!

— Если я бы встал между отцом и сыном, было бы только хуже.

— Почему ты ничего не сказал *мне*?!

— Потому что... в этом нет ничего необычного или страшного. Это самый простой способ, каким хозяева обычно проявляют свое недовольство. Такое случалось со мной много раз. Это пройдет. И впредь я не стану вмешиваться, даже если увижу ошибки в подсчетах.

Он вновь посмотрел на нее, и Айрин прочитала в его глазах правду. Алан обуздал себя и покорно подставил спину под плетъ, потому что боялся потерять *ее*. Он опасался, как бы она невольно не проявила свои чувства на людях. Вдруг О'Келли что-то поймут и запретят им общаться! Он принес гордость в жертву любви. Айрин содрогнулась от гнева и жалости. Она вспомнила день, когда впервые увидела его связанным и избитым. Тогда она еще не знала, что не сможет без него жить. Точно так же Айрин не подозревала, что когда-нибудь решится первой обнять мужчину, осмелится опуститься на его постель. Наверное, это произошло потому, что лежать так близко, соприкасаться телами сейчас казалось единственной возможностью проявить истинную заботу, любовь и нежность.

В глазах Алана появилось какое-то новое выражение. Похоже, несмотря на все признания, он не мог представить, что

между ними возможно что-то большее, чем поцелуи. Айрин боялась причинить ему боль: физическую — неосторожным прикосновением, душевную — неправильным словом. Она совершенно не знала, как себя вести, и не осмеливалась пошевелиться.

— Иди, ты должна идти. Со мной все в порядке. Все будет хорошо.

— Ты меня прогоняешь?

— Я не могу позволить тебе оставаться у меня.

— Сюда никто не войдет.

— Тебя могут хватиться там, в доме. А здесь — случайно увидеть слуги.

— Разве ты не хочешь, чтобы я была с тобой?

— В данном случае мое желание не имеет значения.

Айрин смежила веки, задержала дыхание, а потом прошептала:

— Я не уйду. Обними меня и сделай то, что желаешь сделать.

Они лежали и целовались, а тем временем Алан постепенно освобождал ее от одежды, незаметно и легко, словно обрывая лепестки цветка. Что-то трепетало у нее внутри, но это был не страх и не стыд. Сейчас между ними существовало что-то, бывшее единственно значимым, по-настоящему сближающим, соединяющим навсегда. Все происходило так же естественно, как день переходит в ночь. Айрин хотелось хотя бы отчасти вернуть Алану то, что было отнято другими

людьми, а также отдать нечто такое, что могла отдать только она.

Он не набросился на нее, как можно было ожидать, она даже не заметила, как он оказался внутри. Он двигался осторожно, неспешно, будто боясь причинить ей боль или потревожить ее сокровенные чувства. Их слияние получилось на удивление нежным, а наслаждение тихим, будто все происходило во сне. То была не бурная, обжигающая страсть, а глубокое, неспешное познание друг друга. После Айрин боялась открыть глаза. Почему-то ей чудилось, что она видит Алана другим и весь мир — свершено новым. Ей нравилось лежать неподвижно в ожидании нового рождения, слушая стук сердца Алана и вбирая в себя жар его тела. Когда он шевельнулся, она заставила себя посмотреть на него. Алан был таким же; нет, еще более любящим, изумленным, благодарным. Рядом с его телом кожа Айрин казалась молочно-белой, а его — более темной, чем была на самом деле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.